ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (3030) Четверг, 1 января 1953 г. Цена 40 коп.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

*Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.*

В. МАЯКОВСКИЙ

Рис. худ. В. БОГАТКИНА

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Удалось ли вам осуществить в 1952 году свои творческие планы? Над чем вы будете ныне работать? Эти вопросы наши корреспонденты задали группе писателей. Ниже мы печатаем полученные ответы.

М. АУЭЗОВ

Что сделано мною в минувшем году? Закончил третью книгу из серии романов о великом казахском поэте и просветителе Абае Кунанбаеве — «Путь Абая». Она вышла в свет на казахском и русском языках. Второй моей работой является сценарий для художественного фильма «Большая судьба» — о светлой доле казахской советской женщины. Занимался в минувшем году и литературоведческой работой: написал главу о казахских народных сказках для книги очерков по истории устного казахского творчества.

В новом году предполагаю завершить работу над последней книгой об Абае. Этим романом я подведу черту под создаваемым мною художественным полотном об Абае и истории казахского народа за 50 лет. Сюда же я отношу монографию об Абае, которую тоже думаю закончить в 1953 году.

С. БАБАЕВСКИЙ

Последний листок календаря. На столе — новые главы будущего романа, зримый итог минувшего года. Роман называется «Знамя жизни» — им будет завершена трилогия о Сергее Тутаринове и его друзьях.

Каждому автору приятно, конечно, когда на столе лежат написанные страницы. Но, кроме страниц, есть еще жизнь героев. Каковы у них итоги года? Что они сделали за год? А их-то жизнь—в труде. Так, в 1952 году они начали вводить на полях комплексную механизацию — недалеко то время, когда решительно все сельскохозяйственные работы будут выполнять машины; начали разводить сады там, где раньше не росли и дикие кустарники; стали расширять поливные участки и сеять заливной рис на извечно безводной ставропольской земле... А чтобы дело лучше спорилось, организовали соревнование двух районов — Журавского и Рощенского.

А еще их жизнь — в поездках: герои-то нынче стали непоседливые. К примеру, председатель усть-невинского колхоза имени Буденного Стефан Петрович Рагулин и председатель Журавского райисполкома Марина Николаевна Самойлова в составе советской делегации ездили в Румынскую Народную Республику; директор Сухо-Буйволинской МТС Иван Афанасьевич Книга и мелиоратор Журавского райводхоза Луша Самойлова проехали на машине от Ростова до Сталинграда, осмотрели новые оросительные каналы, поливные земли, полюбовались Цимлянским морем, шлюзами и побывали на торжественном открытии Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина; секретарь Журавского райкома партии Сергей Тимофеевич Тутаринов был делегатом XIX съезда...

Вот тут и поспевай! А поспеть надо, и в наступившем 1953 году мне хочется правдиво изложить на бумаге все то, что видели, что пережили и что сделали мои герои в году минувшем.

Н. ВИРТА

Минувший год был для меня плодотворным. Поэтому честно могу сказать, что все обещанное мною читателям не только выполнено, но и перевыполнено.

На днях вышло новое издание романа «Вечерний звон», который я, следуя критике читателей и их советам, значительно переработал в 1952 году. Как и обещал, закончил сценарий сатирической кинокомедии «Тихий угол», который идет в производство. Накануне Нового года окончил сценарий исторического фильма «Дмитрий Донской» — это, так сказать, сверх обещанного в прошлогодней анкете. Пьеса «Три года спустя», упоминавшаяся в ней, поставлена в ряде театров. Также «сверх плана» коренным образом переработана сатирическая комедия «Гибель Помпеева», написанная в 1950 году; она включена в репертуар Московского театра сатиры. Написал также пьесу «Редактор Волков», которая в планах моего творческого года не предусматривалась; ее ставит Малый театр.

В этом году буду продолжать работу над обещанной повестью из жизни одного сельского района и постараюсь дать продолжение «Вечернего звона» — роман «Раздел» (прежде называвшийся «Ураган»); над ним я работаю третий год. И, если останется время, напишу сценарий.

В. ЕРМИЛОВ

В минувшем году вышла моя книга «Н. В. Гоголь». На страницах «Литературной газеты» была напечатана моя работа о значении гоголевской традиции для советской драматургии. Кроме того, я работал над другими проблемами творчества Гоголя.

В этом году я несколько разовью вопросы, поставленные мною в упомянутой работе о значении гоголевской традиции для советской драматургии, после чего она выйдет отдельной книжкой.

Мои темы в 1953 году — теория советской драматургии, драматургия Горького.

А. КОПТЯЕВА

Сейчас я заканчиваю работу над романом «Дружба» — второй книжкой трилогии «Иван Иванович». Потребуется еще месяца четыре очень усидчивой работы, прежде чем я смогу сдать рукопись на читку и критику.

Работа над романом задержалась потому, что мне приходится строить ее на совершенно новом для меня материале. Новая природа, незнакомая обстановка, военный быт, работа в госпиталях на линии фронта — все это должно быть не просто фоном действия. И в то же время хочется показать чувства и переживания людей в этой обстановке. Иван Иванович — хирург, преданный патриот,— мне хочется показать его всесторонне — с его душевного жизнью, с его сердечными привязанностями.

Хочется раскрыть и других героев: Варвару, Логунова, Хижняка, Никиту Бурцева, отчасти Ольгу. Но есть еще и новые действующие лица: врач Лариса Фирсова, дружинницы Наташа, Липа, матрос Семен Нечаев, бронебойщик Коробов, хирурги Злобин и Решетов. Большинство новых героев — сталинградцы. Через них надо показать город, его прошлое.

В общем очень большая задача. Справлюсь ли я с нею, сказать не могу. Работаю много и с большим волнением.

Геворк ЭМИН

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

В Ереване час ночи.
Сломалась строка
недописанная пока...
А за стенкой приемник включают, и вот
перед тем, как на Спасской двенадцать пробьет,
прилетая сквозь дымку ночной синевы,
к нам врывается голос Москвы.
И сперва он негромкий и нежный такой,
так он полон любви и тепла,
словно ты, дорогая, далекой рукой
телефонную трубку взяла.
Пролететь бы над ширью лесов и полей,
пронестись, над горами крыля,
очутиться бы в комнатке тихой твоей —
ты живешь в двух шагах от Кремля.
Ты, наверно, глядишь, как дымится снежок
на зубцах, на кремлевской стене,
ты сейчас не по радио слышишь гудок,
тот, что слышен в приемнике мне,
может, это машина идет из ворот,
и, как бархат, под шинами снег,
после дня государственных дел и забот
едет самый родной человек,
едет Сталин, чтоб с Ленинских гор в тишине
оглядеть новостроек огни...
Прогудела машина, и слышится мне
шум шагов. Как различны они!
Вот, наверно, в далекий отправившись путь,
и с вокзала спеша на вокзал,
сибиряк, чтоб на Красную площадь взглянуть,
с чемоданом в руке прибежал.
Ну, а вот, на хрустящий ковер снеговой
твердо ставя печать каблуком,
к Мавзолею, наверно, идет часовой,
и винтовка мерцает штыком.
Он, как мраморный, встанет у мраморных плит
и, неся караул свой ночной,
будет слушать, как красное знамя шумит
над великой кремлевской стеной.
Ну, а эта знакомая дробь каблучков,
шаг веселый такой и прямой?
В этот час ты с работы шагаешь легко
через Красную площадь домой...
В Ереване час ночи.
И тверже рука,
и послушнее стала строка.
Долетает со Спасской уверенный бой
через горы, леса и поля.
И опять, дорогая, я рядом с тобой,
мы стоим в двух шагах от Кремля.

Авторизованный перевод с армянского
Марка МАКСИМОВА

М. СВЕТЛОВ

В новогоднюю ночь

По родной земле, по первопутку,
К широко распахнутым дверям
Дедушка почтенный и малютка
Подойдут к двенадцати часам.

Пусть в нарядно убранной столовой
С ними познакомится народ.
Это — Старый год, а это — Новый,
Жить которому всего-то год!

В марте — отрок, в августе — мужчина,
Будет жить он, к старости спеша,
К декабрю избороздят морщины
Розовые щеки малыша.

И пока он не дорос до деда,
И покуда старость не пришла,
Выпьем же за то, чтобы Победа
Верной спутницей ему была!

Год прошедший! Завещай малютке
Не сходить с великого пути,
Чтоб не пропадали даже сутки
Из трехсот шестидесяти пяти!..

И в грядущий новогодний вечер
Скажет с удовольствием народ:
До чего ж он был хорош — прошедший
Работящий, знаменитый год!

Советский год

1. Уж так повелось: срывая последний листок календаря, мы как бы оглядываем весь прожитый год — каков он был? Как он пройден нами? Что сделано, что начато, что задумано? С чем мы входим в год начинающийся?

У каждого из нас есть свой особый счет сделанного и достигнутого, забот и радостей. И есть даты и события, захватившие нас всех и вошедшие в нашу жизнь светом и теплом, мыслью и вдохновением,— большие даты и большие события, которыми был так богат год 1952...

Вспомним первое новогоднее утро, когда мы с праздничной нетерпеливостью раскрыли утренние газеты и вдруг, увидав под коротким текстом подпись самого любимого и уважаемого человека на Земле, торопливо, жадно пробежали глазами строки его новогоднего послания японскому народу. Слово Сталина понеслось к честным и обездоленным труженикам Японии через головы их эксплуататоров, через кордоны американской оккупации, — слово сочувствия народу, попавшему в беду, слово дружбы и веры в силу народную.

Обнадеживающий свет этой веры, этой величайшей справедливости и человечности озарил первый день начинавшегося года и ярким лучом протянулся через весь год, озаряя знамя борьбы за мир, которое все выше и выше вздымают над нашей планетой миллионы крепких рук.

Сколько было событий в этой мужественной борьбе, как она расширилась за год! С чуткостью настоящего художника Пабло Пикассо, создавший несколько лет назад широко известную эмблему борьбы за мир, в 1952 году делает новый рисунок — голубь расправил крылья.

Конец года ознаменовался мощной демонстрацией в защиту мира—Венским Конгрессом народов. К непоколебимой уверенности Советского Союза и молодых народных демократий, в труде и дружбе создающих новую жизнь человечества, присоединяется растущая уверенность народов, задыхающихся под бременем явной или плохо скрываемой американской оккупации,— силы мира и демократии непобедимы, если народы возьмут дело мира в свои руки!

В испуге закрывая границы, империалисты только подчеркивают свою слабость. Они бы и хотели задушить, бросить за решетку, стереть с лица земли всех, кто выступает против войны, — да руки коротки.

В самые последние дни года, как ободряющий привет всем сторонникам мира, прозвучали полные достоинства ответы великого Сталина американскому корреспонденту:

«Я продолжаю верить, что войну между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом нельзя считать неизбежной, что наши страны могут и впредь жить в мире».

С этими словами в сердце мы приветствуем Новый год, зная, что они опираются на всю силу лагеря мира, на мощь нашего социалистического государства.

2. Оценивая минувший год, мы можем сказать, что он был годом великолепной зрелости, цветущей и творческой зрелости Советской державы. 35 лет...

Да, тридцать пять лет тому назад в стране, разоренной войной и окруженной врагами, в ответ на болтовню перепуганных политиканов о том, что ни одна партия не решится в этой обстановке взять власть целиком на себя, раздался голос Ленина:

— Есть такая партия!

Нынче эта партия, партия коммунистов, подвела итоги своего тридцатипятилетнего бессменного руководства страной. Потенциальная сила социалистического строя оказалась так велика, что даже громадные потери и разрушения тяжелейшей из войн были преодолены с поразительной быстротой, и мы все стали свидетелями и участниками такого нарастания темпов, такого непрерывно увеличивающегося размаха новых грандиозных дел, что порою не верилось — да мы ли всего несколько лет назад сухими от гнева глазами озирали руины наших прекрасных городов, смотрели, как хлещет вода через взорванную плотину Днепрогэса и пробивается трава на развалинах «Запорожстали»?..

Отстроились города, с увеличенной мощностью работает Днепрогэс, валки запорожского слябинга прокатывают многотонные огненные слитки, довоенный уровень остался далеко позади, наши поля дали в 1952 году небывалый урожай в восемь миллиардов пудов, а наша промышленность более чем в два раза превысила довоенные размеры производства. Народ, воспитанный партией, с новой силой развернул свои способности, инициативу и трудолюбие.

Так же, как человек замечает свой возраст, повстречав уже подросшим и возмужавшим юношу, которого знал ребенком, так и люди моего поколения вдруг с некоторым изумлением отметили в 1952 году, что Магнитогорску стукнуло 20 лет, и Кузнецкому металлургическому комбинату тоже, и многие другие первенцы сталинских пятилеток нынче отпраздновали свои двадцатилетние юбилеи!.. Днепрострой и Магнитострой входили в нашу юность одновременно мечтой и явью, строители Комсомольска-на-Амуре были нашими товарищами, уезжавшими в переполненных вагонах куда-то в тайгу, на берег далекой реки, куда-то, где еще ничего нет, но где, кажется, водятся тигры...

А ведь и Комсомольску-на-Амуре в этом году исполнилось 20 лет! И даже каналу имени Москвы нынче 15 лет, и этот молодой «старик» уже ничем не удивляет нас теперь, когда свершилась лелеемая столетиями народная мечта о Волго-Доне и юный богатырь победно поднял башни своих шлюзов над сомкнувшимися водами двух великих рек. И Московское море уже давно обкатало волнами свои берега, такие еще «не морские» у его младшего брата — моря Цимлянского... И уже вступили в совершеннолетие юноши и девушки, родившиеся после первой пятилетки и очень смутно представляющие себе те «стародавние» времена, когда на карте не было ни Комсомольска, ни Магнитогорска, ни Кузбасса, ни Турксиба...

А миллионы наших новорожденных граждан пойдут в первый класс школы тогда, когда и по Сталинградскому морю будут гулять на раздолье волны и Комсомольск-на-Волге станет самым обычным городом.

И — кто знает! — может, на долю этих ребят выпадет счастье построить Комсомольск-на-Енисее или Комсомольск-на-Оби...

Сегодня особенно хорошо мечтается. И, как всегда в нашей стране, мечта смыкается с явью, пусть еще не свершившейся, но уже подготовляемой, уже приближающейся. Особенно широко и увлекательно мечтается потому, что год, прожитый нами, был не простым годом,—подведя итоговую черту под всем, что достигнуто, он определил наше развитие на многие годы вперед.

Когда перебираешь в памяти все, что достигнуто в 1952 году, ярчайшим выражением наших побед, торжеством нашего общенародного созидательного труда видится Волго-Донской канал. Одним этим событием мог бы прославиться в веках 1952 год! А ведь в этом же году начали свою жизнь тысячи новых заводов, электростанций, каналов, машинно-тракторных и лесопосадочных станций, железных дорог, школ, санаториев, институтов, в этом же году возникли новые города, вступили в строй первые московские высотные дома и новые линии метро, и — как символ новых дружеских отношений между свободными народами,— советские инженеры и рабочие из советских материалов и по проекту советских архитекторов начали возводить в Варшаве величественный Дворец культуры и науки.

3. И в этом же богатом победами году два громаднейших события как бы распахнули перед нами окно в будущее.

Мудрая и проницательная сталинская мысль, воплощенная в нескольких бесценных документах под общим названием «Экономические проблемы социализма в СССР», обогатила нас блестящими теоретическими открытиями, суммирующими все особенности нашей эпохи и нашего движения вперед, вооружила нас теоретическим обоснованием и четкой программой перехода от социализма к коммунизму.

XIX партийный съезд наметил план грандиозных работ на ближайшее пятилетие и новым Уставом партии подтягивает и приводит в боевую готовность свои ряды— так поступает славный полководец, подтягивая и мобилизуя все звенья армии перед наступлением, так поступает Великий Бригадир первой в мире «Ударной бригады» коммунизма...

Истекший год был годом гигантского разбега, годом зачина крупнейших дел.

Когда перечитываешь задания на пятилетие, любое из них впечатляет своим размахом. Вспомним, как в первую пятилетку везде можно было увидеть цифры — 518 и 1040. Они выделялись на страницах газет, на стенах цехов, их несли колонны демонстрантов... Эти цифры означали, что надо ввести в строй за год 518 предприятий и 1040 машинно-тракторных станций. В то время выполнение этой задачи требовало напряжения всей страны. В новом пятилетии промышленность вырастет на 70 процентов по сравнению с 1950 годом, а по сравнению с 1940 годом — в три раза, и при этом особый размах получат механизация труда и техническая реконструкция. Наряду с громадным строительством и множеством других работ, одно перечисление которых заняло бы многие страницы, все это в целом есть создание высокой техники коммунизма, неразрывно связанное с преобразованием самой природы в интересах народа и на благо ему.

Отсюда и масштабность всех дел, творимых в стране.

Отсюда и масштабность всех подготовительных, изыскательских и проектировочных работ, обычно мало известных, но чрезвычайно увлекательных.

...Группы людей в резиновых сапогах и накомарниках, с рюкзаками на спине карабкаются по скалистым берегам таежных рек, бурят скважины, изучают геологические пласты и поведение подземных вод, залегание ценных пород и металлов... Буровые вышки торчат в безлюдных степях и бесплодных пустынях, люди на себе тащат туда питьевую воду и темными очками защищают глаза от слепящего солнца... На верблюдах, на выносливых горных лошадях, на вездеходах и грузовиках, в трюмах пароходов и в товарных вагонах движутся ящики с надписью «осторожно!» — уникальные образцы... В тиши лабораторий, чертежных залов и конструкторских кабинетов идут исследования, производятся сложные расчеты, потрескивают счетные машины, на листах ватмана и голубоватой кальки возникают проекты — сотни, тысячи чертежей...

Может быть, потому, что я ощущаю этот труд, как душу своей новой, только что начатой книги, мне кажется, что он особо интересен для писателя, как подготовка всего, что затевается в стране. Вот где прощупываются границы мечтаний, вот где закладываются масштабы завтрашних свершений!

За что ни возьмись у нас, в какую отрасль деятельности ни загляни,— какие масштабы! Какой небывалый простор для творчества, для проявления сильных характеров и страстей!

Отсюда — масштабность задач нашей литературы.

Само время диктует нам — выйти на широту самых главных деяний народа, вторгнуться в глубь самых основных процессов становления коммунизма... Иначе— неминуемо отстанем от своего времени, окажемся бескрылыми бытописателями.

Кому же, как не поэтам, воспеть высокую поэзию дел и душ на пороге новой эры?

Кому же, как не литераторам, помочь становлению человека коммунистического Завтра?

Эта общая задача распадается на множество совершенно конкретных задач.

Возьмем хотя бы только одно из трех предварительных условий перехода к коммунизму, разработанных товарищем Сталиным, и даже только одну часть третьего условия, где говорится о том, что люди при коммунизме должны иметь «возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии». Мы, писатели, воспевали преданность человека своей профессии—шахтера, строителя, металлиста и т. д. И правильно делали. Это отражало и отражает лучшие черты труженика социалистического общества, да и при коммунизме любовь к своему делу не только останется — она будет ярче и чище, бескорыстней и душевней. Но известное замыкание человека в кругу интересов одной профессии уже и сегодня до некоторой степени суживает его духовный мир. Вырастая в творческом труде, человек становится многогранней и разносторонней.

Не должны ли мы, писатели, проследить, как происходит это духовное обогащение и интеллектуальный рост героя наших дней? Не должны ли мы содействовать всей силою искусства этому естественному росту?..

Провожая минувший год, так много определивший в нашей жизни, и встречая год наступающий, мы вступаем в новую полосу напряженных исканий, творческих раздумий и труда — углубленного, страстного, непрерывного нашего труда... Пожелаем же друг другу от всего сердца прекрасных замыслов, удачных решений, неповторимых образов и свежих красок, а в итоге: много романов и поэм, рассказов и стихотворений, повестей и пьес — новых, смелых, подстать времени.

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПИСАТЕЛЕЙ

В. КАВЕРИН

В минувшем году я продолжал работать над романом «Поиски и надежды» (условное название), в котором намерен показать жизнь и работу советских микробиологов в военное и послевоенное время. Лишь теперь, вполне ознакомившись с материалом, я оценил всю сложность своей задачи. Впрочем, события 1952 года — я имею в виду бесчеловечное бактериологическое нападение американских интервентов на Корею — придали этой теме такую остроту, что на трудности сетовать не приходится.

Последние месяцы были отданы работе над давно задуманной пьесой «В старом городе». Недавно «Комсомольская правда» открыла дискуссию на тему: «Как стать хорошим человеком». Именно об этом думают герои моей пьесы — девушки, только что оставившие школьную скамью и впервые столкнувшиеся со всей сложностью жизни.

Одновременно с этими новыми работами я подготовил к печати романы — «Открытая книга» и «Доктор Власенкова» в дополненном и переработанном виде.

С. МАРШАК

В 1952 году вышел мой двухтомник, изданный Гослитиздатом. Написал я несколько стихотворений, посвященных Артеку, Сталинграду, Волго-Дону. Продолжал работу над переводом стихов великого шотландского поэта Роберта Бернса. Работал в газетах.

В 1953 году выйдет моя книга для детей «Веселое путешествие от А до Я», рассказ в стихах «Как искали Наташу» и «Баллада о красном знамени». Работаю над новой статьей о литературном мастерстве и готовлю к печати переводы стихов молодого итальянского поэта Джанни Родари.

Заканчиваю книгу для самых маленьких читателей — вернее, слушателей.

Н. НИКИТИН

В истекшем году, помимо публицистической работы, я всецело был занят пьесой «Северные зори». Добавочная работа над постановкой отняла у меня больше времени, чем я предполагал. Поэтому мне не удалось побывать в Средней Азии. Однако над темой будущей книги и ее сюжетом я продолжал работать. Мне хочется написать о наших днях, как о первых днях эпохи великих исторических свершений, о бурной жизни сталинской стройки и в то же время о личной судьбе человека, советской семье, труде и любви, трудностях и счастье. По времени это будут в основном послевоенные годы. По месту действия — и Москва, и Ленинград, и среднеазиатские пустыни с закипевшей в них жизнью.

Эту свою творческую задачу я рассматриваю, как долг перед читателями. Первую книгу постараюсь закончить в 1953 году.

Ф. ПАНФЕРОВ

Я думаю в этом году обязательно закончить первую книгу романа «Волга матушка-река». Сейчас сижу над окончательной отработкой первой книги. Затянулось это потому, что тема оказалась гораздо сложнее, нежели я думал. О теме романа я уже сообщил читателям «Литературной газеты» в прошлом году, — это преобразование природы Поволжья.

Миллионы людей сосредоточили свои усилия над разрешением этой проблемы. На Волге строятся гигантские гидроузлы, вокруг проводятся каналы. Люди готовятся нанести сокрушительный удар суховею. Дело это — сложное, огромное и небывалое еще в истории человечества. Товарищи читатели поймут, как трудно мне в меру моих сил отразить все это народное действие в романе. Постараюсь приложить все силы, чтобы роман был неплохой.

А. РЫБАКОВ

В 1952 году продолжал работу над романом «Екатерина Воронкова». Это роман о советской женщине. Героиня работает инженером в одном крупном волжском порту. Действующие лица: крановщики, грузчики, матросы, штурманы, капитаны. Место действия — Волга. Время — наши дни. В романе мне хочется поставить ряд морально-этических вопросов, связанных с жизнью и работой наших людей. Большую часть 1952 года (как и 1951) я пробыл на Волге, среди моих героев.

Роман думаю полностью закончить к лету. Это хочется сделать тем более потому, что я обещал моим юным читателям в 1953 году закончить ранее уже начатую работу над второй частью повести «Кортик».

Ольга ФОРШ

Весь прошлый (1952) год я работала над второй частью моего романа о декабристах «Первенцы свободы». Теперь эта работа закончена. Рукопись я только что сдала в издательство.

Думаю в этом году побывать на юге страны — в районах сталинских строек коммунизма, набрать впечатлений для будущей книги.

Неполученные ответы

За некоторых «деятелей» литературы и искусства, планы которых, к сожалению, остаются неизменными много лет и которые поэтому не откликнулись на вопрос «Литературной газеты», — ответы написали Вл. Масс и Мих. Червинский.

Драматург А. Утрясаев

Недавно я закончил пьесу
И сообщаю через прессу
Железный план
на новый год
Предполагаемых работ:
Январь: Работа с консультантом
Над завершенным вариантом.
Февраль: Работа с Комитетом
Над языком и над сюжетом.
Март: Уточненье предложений,
Поправок и соображений.
Апрель — май: Разные поправки.
И их согласованье в главке.
Июнь: Учет и собиранье
Недоучтенного когда-то.
Июль и август: Дожиманье
Всего того, что недожато.
Сентябрь: Внесенье дополнений.
Октябрь: Внесенье сокращений.
Ноябрь: Доделка и подчистка.
Декабрь: Работа с машинисткой
Над уточненным вариантом,
Для встречи с новым консультантом.

Композитор Б. Многоглаголенский

Каков мой план на новый год?
Огромен! Свыше ста работ.
Одна статья уже сдана:
«Какая опера нужна?»,
На днях хочу вторую сдать:
«Как нужно оперы писать».
Одну статью пишу сейчас:
«Народ ждет оперы от нас!»
И целый ряд статей на темы
Решенья оперной проблемы.
Затем я выпускаю в свет
Статью: «А оперы все нет!»,
Потом — критический обзор:
«Нет нужных опер до сих пор!»
И тут же приступаю сразу
К двум новым песням по заказу:
«Приди в наш красный уголок»
И «Милый рубит уголек».

Художник В. Пустышкин

Весь год с удвоенным стараньем
Я, как давнишний враг рутины,
Работать буду над названьем
Очередной своей картины.
Давно уже написан мной
Пейзаж — фруктовый сад весной,
Но без названья этот сад —
Всего лишь полуфабрикат.
Он пуст, безжизненен, печален,
Статичен и неактуален.
Мой друг лет пять тому назад
Назвал такой же точно сад:
«Здесь был Мичурин».
За названье
Он получил диплом и званье.
Надеюсь, в будущем году
И я название найду.

Работник киностудии Г. Обещаев

Мы совещались много раз,
И, в результате совещаний,
Сейчас имеется у нас
Ряд интересных обещаний.
Есть обещанье поскорей
В жизнь провести все пожеланья,
Есть обещанья для детей
И есть для взрослых обещанья.
Есть обещание начать
Кинокомедию снимать,
Чтоб всюду шла она с успехом,
Чтоб зритель мог похохотать
Высококачественным смехом.
Любые обещанья есть,
Их даже трудно перечесть.
Мы воедино их собрали,
Мы их включили в план работ,
А то, что недообещали,
Пообещаем через год.

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Матвей ТЕВЕЛЁВ

СВЕТ ТЫ НАШ, ВЕРХОВИНА!.

Роман М. Тевелёва «Свет ты наш, Верховина!..» повествует о судьбе интеллигента — жителя Закарпатской Украины, о ее воссоединении с Советской Украиной. Время действия первого, публикуемого нами отрывка — 1939 год, когда части Советской Армии подошли к Закарпатской Украине, томившейся тогда под игом фашистского диктатора Венгрии Хорти. Второй отрывок переносит читателя уже в 1944 год. Ликует Закарпатская Украина, сбылась вековая мечта о воссоединении с матерью-Родиной.

Полностью роман печатается в журнале «Знамя».

1. В те дни у нас только и говорили, что о продвижении Красной Армии к Карпатам. Остальные события казались теперь временными и неважными.

На Верховине, куда мне пришлось скоро выехать, люди убеждали себя, что Красная Армия послана Сталиным освобождать не только Галицию, но и наш край. Мне и самому хотелось верить в это.

Федор Скрипка, к которому я заехал по дороге с одной лесосеки на другую, и слушать меня не хотел, что Молотов в своей речи говорил только о Западной Белоруссии и Западной Украине.

— Какой ты, человече! — досадовал старик.— Ну, не говорил про нас, так что с того? А думать-то, думал! Свобода, она не одним галичанам нужна, а и мы ее дожидаемся. Придут, вот увидишь!

И люди жили ожиданием.

В селах у Воловецкого, Ужанского, Ясиньского перевалов готовились к встрече. Уже лежали у хозяек наготове вышитые рушники под хлеб-соль, уже дворы снесли по жмене муки в одно, для хлебных караваев.

Уже тайком сговаривались лесорубы, железнодорожные рабочие, селяне о том, чтобы не дать в случае чего хортиевцам взрывать мосты.

Но ход событий все больше и больше убеждал, что Красная Армия дойдет только до границ Венгрии.

Когда на обратном пути я снова увидел Скрипку, он был угрюм и задумчив.

— Час еще не пришел,— сокрушался старик, — не пришел наш час,—и добавлял уже веселее:—Да и то добро, что близко будут, а, Иванку?

«Совсем рядом»,—думал я, силясь представить себе эту близость.

Мне пора было возвращаться в Ужгород, но я не уезжал, не мог уехать в такое время и под предлогом сверки ведомостей остался еще на несколько дней на лесосеках, ночуя у Федора Скрипки.

В одну из ночей меня разбудило чье-то прикосновение и голос, который я не сразу узнал спросонья.

— Вставай, Иване.

Я быстро поднялся, но ничего не мог разглядеть, кроме расплывчатого силуэта склонившегося надо мною человека в скупых предрассветных сумерках, плававших, словно табачный дым, по хате.

— Кто здесь?

— Я, Семен Рущак,— послышался ответ.— Вставай, друже, советские!

— Где?

— На границе встали. Пойдешь смотреть?

Я рассердился.

— Что ты спрашиваешь, человече?— и быстро стал одеваться. Меня тряс озноб. Я с трудом находил одежду, хотя она и лежала рядом со мною.

— Ты уже видел их, Семен?

— Не,— сказал Рущак.— Только вчера вечером встали... Стефаковой Олены хлопец прибежал сказать.

— Кто идет? — спросил я.

— Мы с тобой, да вуйко * Федор...

За порогом хаты обдало предрассветным горным холодком, пахнущим влагой и скошенной травой. Было тихо. Звезды меркли в бледнеющем небе. Внизу студеницкое ущелье втягивало в себя длинную колышущуюся полосу тумана, и туман вползал в него, неохотно цепляясь за макушки нижнего леса.

Слышимость была поразительная. Дальний поток шумел так явственно, будто он бежал по камням рядом с тропой, по которой мы стали подниматься в гору.

До границы было километров восемь. Тропа вилась по увалам, забирая все выше и выше. Стоило подняться на вершину горы, как за ней возникала вторая, а за второй третья, и казалось, что не будет конца этим синим, дремавшим вершинам.

Шли и молчали. Только в одном месте, сворачивая с тропинки в лес, идущий впереди Семен обернулся и сказал:

— Чуешь, Иване, если встретим кого— тут солдат много,— так ты скажи, что по лесничеству. Добре? А мы с тобой.

С каждым пройденным километром становилось все светлее. Звезды исчезали с неба, оно поголубело, розовея на восточном краю. Но вот, постепенно, край над дальней горой начал плавиться, искриться, и вдруг брызнуло солнце, затопив своим золотистым теплым светом все вокруг.

Мы прошли шагов двести по опушке леса, свернули влево и, очутившись на уклонном лугу, внезапно остановились.

Перед нами расстилалось идущее с севера на юг межгорье. Бросились в глаза белая лента дороги, несколько домиков на противоположном взлете горы и красное, струившееся на ветру, полотнище флага, высоко поднятого над крышей одного из домиков, во дворе которого стояла группа военных. И люди, и флаг были совсем близко — рукой подать, только неширокое пространство межгорья и дороги отделяло нас друг от друга. Я различал зеленые фуражки солдат и, казалось, даже лица. Стоило только сбежать по лугу вниз и пересечь дорогу, чтобы очутиться среди этих людей. Там уже был другой, свободный мир.

Захватывало дыхание, все онемело внутри, только сердце билось учащенно и больно.

— Матерь божья,— сказал Скрипка,— як близко,— и, оттопырив ладонью ухо, стал вслушиваться.

— Чул!.. Чул!..— вдруг закричал старик.— Иванку! Семен! Чул, як там сказали: «товарищ».

— Ничего вы не чули, вуйку,— сказал Семен. — Неправду говорите.

Скрипка взъерошился и со злостью топнул ногой.

— Нет, чул! Сам послухай!

Но как мы ни вслушивались с Семеном, нам ничего не удалось уловить.

Между тем, к дому с алым флагом над крышей приблизилась толпа селян. Теперь уже и до нас донеслись восклицания, но слов нельзя было разобрать. Советские солдаты смешались с селянской толпой. Видно было, как люди пожимали друг другу руки, радостные и возбужденные.

В сердце кольнула зависть. Я взглянул на Семена. Он был бледен и, закусив губы, не отрываясь, следил за тем, что происходило по ту сторону границы.

Немного погодя от толпы отделилось двое красноармейцев в плащах, с винтовками за плечами.

За воротами красноармейцы в зеленых фуражках остановились, сняли винтовки, зарядили их и, снова вскинув оружие за плечо, спустились к дороге и пошли по ней гуськом, неторопливым, спокойным шагом.

Мы сорвали с голов шляпы и замахали ими.

Семен сделал несколько шагов вперед и крикнул:

— А-го-ов! А-го-ов!

Красноармейцы повернули в нашу сторону лица и, не сбавляя шага, продолжали итти по дороге, глядя на нас.

— А-го-ов!— крикнул еще раз Семен, и эхо прокатилось где-то выше нас.

Но то не было эхо. Я обернулся, взглянул вверх и увидел на вершине горы людей. Они вытянулись по гребню и тоже махали шляпами и руками. Это были лесорубы, селяне, женщины и дети, они, как и мы, пришли из своих сел к границе. Несколько человек, увлекая за собою остальных, бросились к нам на луг, чтобы быть поближе к дороге. Впереди бежал молодой, подпоясанный широким кожаным ремнем лесоруб. Я всмотрелся и узнал Юрка.

Следом за Юрком спускалась совсем еще молоденькая женщина, держа в руках завернутого в холстину младенца. Ноги женщины скользили, она упиралась, боясь упасть. Юрко оборачивался к женщине, протягивая ей для помощи руку, но она не принимала помощи и спускалась сама, выбирая упор для босых ног.

Вдруг женщина остановилась и, взглянув в сторону заросшего кустарником предлесья, испуганно вскрикнула. Из кустарников вынырнули хортиевские пограничные жандармы. Люди остановились в замешательстве и бросились назад, к гребню.

— Куда побежали?—с досадой крикнул Юрко. — Хотите, чтобы на той стороне увидели, как мы умеем перед фашистами пятки показывать? Пусть фашисты боятся нас, а не мы их.

Голос Юрка, в котором прозвучала и насмешка и сила, остановил людей. Они сгрудились и подошли к хлопцу. И мы с Семеном и старым Скрипкой быстро очутились возле Юрка.

— Не горячись, хлопче,—заморгал глазами Скрипка, оглядываясь на приближающихся жандармов, — с них станет, что и стрелять начнут.

Но вместо ответа Юрко приказал:

— Хлопцы, вперед! Жинки с детьми и вы, диду,—обратился он к Скрипке,—тоже назад становитесь.

Маленькое, растерянное личико Скрипки побледнело, затем пошло красными пятнами.

— Мал, мал, — затопал он босой ногой,—мал меня учить, сучий сын! Тебя еще батька не выдумал, когда я со старым Куртинцом и Горулей... — но он не закончил, а, выпятив впавшую грудь, повернулся лицом к жандармам.

Они были уже близко и поднимались вверх по склону. Впереди шел жандармский офицер, выкрикивая по нашему адресу угрозы и ругательства.

Между тем женщины и дети были уже за нашими спинами. Я встал рядом с Юрком и Скрипкой.

— Опять цепочка, пане инженер, — взглянул на меня Юрко и, сорвав былинку, стал вертеть ее между пальцами.

Люди с той стороны границы смотрели в нашу сторону. Даже двое красноармейцев на дороге остановились. Один из них снял зеленую фуражку, вытер ладонью тыловую сторону околыша и раньше, чем снова надеть фуражку, высоко поднял ее над головой.

Это заметил не только я, но и все, стоявшие рядом со мной.

— Хай живе Червона Армия и Сталин!— восторженно, в самозабвении, крикнул Юрко, и перекатное эхо повторило по межгорью: «С т а л и н...».

Ноющее, тревожное чувство под сердцем вдруг исчезло, как внезапно исчез страх перед офицером и жандармами, и нечто во сто крат большее, противоположное страху, поднялось в каждом из нас.

Офицер уже не подошел, а подбежал к нам. Узкое смуглое лицо его горело злобой.

— Разойдись! — крикнул он. — Или я прикажу стрелять!

— Не посмеешь! — с поразившим меня спокойствием сказал Юрко.—Вот с той стороны двести миллионов на тебя смотрят, пане жандарм.

Офицер оглянулся назад и поежился, будто и в самом деле с той стороны границы смотрели на него двести миллионов людей.

— Ах ты, быдло!—выругался он, подступая к Юрку.—Я приказываю разойтись сейчас же!

— А это уже, пане жандарм, как громада решит.

И, не обращая внимания на офицера, словно его не было здесь вовсе, Юрко обернулся к толпе.

— Люди, — сказал он, — есть думка, чтобы спокойно, чуете, спокойно разойтись по селам. Кто за, прошу поднять руку.

Юрко первый поднял руку и за ним последовали остальные.

— Ну, — улыбнулся одними глазами Юрко, — як громада решила, пусть так и будет. Жинки с ребятами — вперед, да не бежать, по своей земле ходим!

Женщины стали подниматься в гору, а за ними уже остальные. Юрко двинулся последним, даже не оглянувшись на онемевшего офицера.

— Ох и хлопец! — восторженно шепнул мне Скрипка. — Ну... министр! А?

Выбравшись на гребень, я оглянулся. Жандармы поднимались за нами следом, а по ту сторону границы, освещенной утренним солнцем, зарей горел флаг над домом.

Когда мы перевалили вершину горы, ко мне подошел Юрко. Он был взволнован, хотя и пытался скрыть свое волнение.

— Пане инженер,—сказал Юрко,— уезжайте поскорее. Жандармы от нас не отстанут.

— Спасибо за совет. А ты что будешь делать?

— Я?—Юрко задумался. — Я вот только присмотрю, чтобы людей не тронули, и жинку с сынком до села проведу, а там что-нибудь придумаю.

— Был бы я молодой, — произнес Скрипка,—ушел бы теперь на ту сторону.

Юрко покачал головой.

— Нет, мне уходить нельзя, диду, у меня здесь будет что делать... Ну, прощайте, может еще свидимся.

Но свидеться нам не пришлось. Часа два спустя после того, как мы попрощались, около полусотни жандармов окружили лесорубов и попытались схватить Юрка. Лесорубы не выдали товарища. Жандармы открыли огонь. Лесорубы бросились в топоры и зарубили жандармского офицера. Им удалось прорваться сквозь кольцо и уйти в глубь леса. Во время отчаянной схватки был смертельно ранен Юрко. Умирал он в полном сознании, молча, и только перед самой смертью сказал унесшим его с собою в лес товарищам:

— Не забывайте, хлопцы, зачем жить остались. И меня не забывайте. А як придут из-за гор наши, постучите в мою могилку.

Похоронили его вблизи перевала у глухой тропы, по которой пять лет спустя, осенней ночью, жена Юрка, Мария, провела в тыл обороняющим перевал гитлеровцам советский батальон. И до сих пор можно прочитать на могильном кресте выжженную в ту пору короткую надпись:

«Юрку, пришли!»

* Вуйко — дядя.

2. Край был свободен. Впервые за долгие, долгие столетия получал он право сам решать судьбу свою. Судьба была решена не за круглым столом, не на тайном сговоре дипломатов, а в горных селах, в лесных колыбах и солотвинских солекопальнях. Как надежду, лелеяли и берегли ее в темные ночи верховинские пастухи и лесорубы, мукачевские табачники и перечинские химики — все, кому дороги были будущее детей, родной язык и право быть человеком, кто в клятве своей произносил: «На мою руську душу правда!»

Не знаю, кто первый бросил клич «От мачехи к матери!» Но его писали на стенах домов и на полотнищах флагов, он стал волей освобожденного народа. И согласно этой воле на двадцать шестое ноября тысяча девятьсот сорок четвертого года было решено собрать в Мукачеве съезд Народных Комитетов Закарпатской Украины.

К этому дню в Мукачево собрались не только делегаты комитетов, но и многие люди Ужгорода, Хуста, Рахова и Берегово. Я был избран делегатом от Ужгорода.

Погода двадцать шестого ноября была пасмурная и сырая. Над Мукачевом то начинался, то переставал моросить дождь. Низкие тучи обложили небо. Латорица катила свои побуревшие воды, задувал холодный ветер — обычная погода поздней осени. Но город, казалось, не чувствовал этого. Затянутый в кумач флагов и транспарантов, он выглядел как-то по-особому празднично. Улицы его уже с утра были запружены толпами народа, и толпы эти были разнообразны и пестры. Горожане смешались с селянами, прибывшими из самых отдаленных округов. Тут и там мелькали расшитые кептари гуцулов, серые куртки иршавцев и воловчан, и мохнатые, словно бараньи шкуры, гуни перечинцев. К кептарям, гуням и курткам были приколоты пышные алые банты, сделанные сельскими рукодельницами, и даже за ленты шляп вместо обычных словых веточек и пучков кабаньей щетины были заткнуты алые бумажные цветки.

Особенно людно было перед кинотеатром, где должен был заседать съезд. Делегации прибывали одна за другой. Они проходили под большой аркой пятиэтажного дома к подъезду кинотеатра. У подъезда их ждали распорядители с кумачовыми повязками на рукавах, и только слышно было:

— Откуда?

— Ростока! — неслось в ответ.

— Откуда?

— Русское поле!

— Откуда?

— Верхние ворота!

— Ясиня!

— Богдан!

— Синевир!

Такие дни помнят всю жизнь, как бы долга она ни была, и сколько бы других радостей через нас ни проходило. И в моей памяти хранится залитый светом зал с переполненными ложами, балконами и партером. Помню уставленный цветами стол президиума, помню, какой овацией отозвался зал, когда люди, сменяя друг друга на трибуне, требовали воссоединения с большой Родиной, и как тесно становилось рукоплесканию в высоких стенах, когда с благодарностью произносилось имя Сталина. В одном этом имени было заключено все: свобода, принесенная его солдатами, вера в будущее — все в одном имени.

Председатель объявлял фамилии людей, просящих слова. В большинстве своем это были простые люди, и слова их были просты, бесхитростны, понятны и дороги каждому, и я услышал, как кто-то позади меня сказал своему соседу:

— Раньше адвокаты за народ говорили и ведь говорили не то, что народ хотел, а здесь народ сам заговорил.

Я хотел обернуться, чтобы увидеть того, кто это сказал, но председательствующий поднялся со своего места и объявил:

— От имени партизан Закарпатской Украины слово дается товарищу Миколе с Черной горы...

— Садитесь, садитесь, — шептали мне сзади. Сосед потянул меня за рукав книзу, но я не садился, я всматривался в проход между кресел, по которому неторопливо шел к трибуне человек. Лица его не было видно: он поднялся с передних рядов и шел спиной ко мне, но я уже знал, что это Горуля.

За кафедру Горуля не зашел, а остался стоять у сходен, вглядываясь, чуть склонив набок голову, в зал, будто любуясь и радуясь тому, что открылось перед ним.

— Витаю вас браты и товарищи со свободой! — произнес он. — «Землей без имени» называли наш край честные люди, видевшие горькую недолю народа, землей без имени... Почему они ее так прозвали, спрошу я вас? Да потому, что те, кто пановал над нею и над нами, хотели, чтобы мы позабыли свой род и племя. Землей угроросов была она для австрийских цесарей, землей русинов для пана Бенеша, землей рутенов для Хорти и мадьярских фашистов, а у нее было свое имя, которое ничем нельзя было ни стереть, ни выжечь из народного сердца, она была нашей украинской землей, была и будет, пока солнце светит.

И Горуля улыбнулся взрыву аплодисментов, всколыхнувших притихший зал.

— Микола с Черной горы — то мое партизанское имя,— продолжал он. — Я его после Олексы Куртинца взял, а сам по себе я Горуля Илько из верховинского села Студеница. Меня судили при Бенеше в Брно за то, что я говорил правду, и затюрьмовали на семь лет, а я сбежал из этой тюрьмы и ушел через два кордона туда, на восток, в Советский Союз. Во многих краях побывал я там и видел, как надо и можно жить человеку. Жизнь увидел я, люди, жизнь!.. Слава за нее Сталину и партии и советской власти, сто раз слава!

Зал ответил ему плеском и возгласами: «Хай живе Сталин!», «Армии Червоний слава!». Возгласы эти неслись из лож, с балкона, со всех уголков, и потом мне уже рассказывали, что их подхватывали на улице люди, слушавшие у радиорепродукторов трансляцию заседания съезда.

Горуля пережидал, пока не стихла овация, и снова послышался его голос:

— В Москве над кремлевскими воротами видел я высокую башню с часами, и когда бьют те часы, советские люди, и на Украине, и на Кавказе, и в Сибири, сверяют по ним свое время И. мы хотим переставить свое время по тем сталинским часам, бо то есть наши часы!

Словно волна пробежала от первых рядов к концу зала. Это поднялись люди. «Хотим от мачехи к матери!» — кричали они и рукоплескали, вскинув над головами руки.

Я выбрался из ряда и быстро, сдерживая себя, чтобы не побежать, пошел по проходу меж кресел навстречу спускавшемуся с трибуны Горуле.

Он заметил, что я иду именно к нему, но, видимо, не сразу понял, кто это, потому что остановился, всматриваясь. И вдруг лицо его заулыбалось и заморщилось, как вода от светлых дробящихся бликов...

— Праздник какой у нас, Иванку, — только и сумел выговорить Горуля, когда мы обнялись, и провел рукой по моей голове. Для него я оставался все тем же Иванком, мальчиком Иванком.

Вечером наступил самый волнующий и памятный час съезда. Делегаты стоя слушали манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Украиной Советской, который должны были подписать представители народных комитетов. Стояла особенная, торжественная, полная глубокого смысла тишина, какая может царить только в ту минуту, когда решаются судьба, жизнь, будущее тысяч, и в этой тишине звучал один только, иногда срывающийся от волнения голос Анны Куртинец, читавшей текст манифеста.

Кончилась земля без имени.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Валентин КАТАЕВ

Мне хочется коснуться некоторых вопросов литературного мастерства. Эти вопросы неоднократно подымались нашей литературной критикой. Но, к сожалению, подымались в очень общей форме и ставились недостаточно резко.

На XIX съезде Коммунистической партии Г. М. Маленков определенно и точно сформулировал требования советского народа к советским писателям. Он указал, что, «...несмотря на серьезные успехи в развитии литературы и искусства, идейно-художественный уровень многих произведений всё еще остается недостаточно высоким. В литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность. Многогранная и кипучая жизнь советского общества в творчестве некоторых писателей и художников изображается вяло и скучно».

Обвинение серьезное и вполне справедливое.

Мне кажется, что вся эта посредственность, серость, вялость и скука очень часто происходит от нежелания или от неумения писателя творчески переработать, строго отобрать и обобщить все то богатство красок, характеров, ситуаций, конфликтов, которое дает многогранная и кипучая жизнь советского общества. Но увидеть, почувствовать и собрать все эти краски — еще далеко не все. Палитра — еще не картина. Если смешать все цвета спектра, получится чистый белый цвет, то есть ничто.

Гёте говорил однажды о том, что самое для него трудное — это тысячеглавая гидра эмпиризма, возникающая перед ним всякий раз, когда он садится за письменный стол. Описать очень похоже мопса, говорил Гёте, не означает ничего, кроме того, что к тысячам уже существующих мопсов прибавится еще один.

Изображение предмета, выбранного писателем, должно быть окрашено индивидуальностью художника, как бы освещено изнутри единой, всепроникающей мыслью, большой философской идеей. Явление должно быть раскрыто во всем богатстве своих противоречий. Раскрытие противоречий, их художественный анализ есть необходимое условие творчества.

Зачастую у нас, литераторов, нехватает смелости и мастерства, чтобы справиться с «тысячеглавой гидрой эмпиризма», и тогда эта гидра нас беспощадно пожирает.

Какая правда заключена в словах Г. М. Маленкова, указавшего, что в марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее.

К искусству нельзя применять метод арифметический. «Дважды два четыре»— открытие только для первоклассников. А мы не должны быть первоклассниками, и даже десятиклассниками, и даже не студентами. Мы обязаны быть профессорами, учеными, мыслящими **самостоятельно** и **ново.** Между тем «арифметический метод» в литературе приводит к тому, что многие наши даже очень известные и талантливые писатели и поэты, стремясь «объять необъятное», впадают в чудовищное многословие. Романы пишутся в 40, 60, 80, 100 и более листов. Поэмы измеряются километрами. Стихи выдаются оптом — циклами. Молодые писатели начинают свою литературную деятельность прямо с эпопей и на меньшее не согласны.

Эта гигантомания — явление весьма распространенное. Происходит оно потому, что мы разучились обобщать, строго отбирать. Мы часто утрачиваем чувство архитектоники и относимся к слову слишком легко. Между тем, слово, — т. е. материал, из которого мы строим свои произведения, — вещь необыкновенно могучая, радиоактивная. Словами надо пользоваться крайне осмотрительно, скупо, а не наваливать их неорганизованными грудами. Это тот случай, когда количество не переходит в качество, а, совсем наоборот, ведет к падению качества.

Бытие определяет сознание. Это неоспоримо. Но сознание у художника не должно быть зеркальным: что отразилось, то и отразилось. Сознание художника должно не только отражать, но и творчески преображать мир. Писатель, лишенный воображения и фантазии, перестает быть подлинным художником. Он превращается в обстоятельного протоколиста. Обстоятельность — смерть искусства. Сказать про поэта, что он написал обстоятельную поэму, все равно, что сказать: он не поэт.

Обстоятельный роман—это совсем не то же самое, что роман глубокий, широкий, идейно насыщенный. Слишком много у нас развелось **обстоятельных** литературных произведений.

И еще одно. Не следует нам забывать о богатейших музыкальных возможностях русского языка. Слово — это мысль. Но слово — также и звук. Мы пишем не для глухонемых. Каждая синтаксическая форма есть вместе с тем и музыкальная фраза.

Мы в одно и то же время пишем, мыслим и слышим.

Литературное произведение создается на музыкальной канве. Интонация—это мелодия. Мелодия не есть привилегия только поэзии. Мелодия — основа прозы. Недаром Толстой назвал Чехова Пушкиным в прозе.

Каждому прозаику должна быть свойственна своя, особая, неповторимая музыкальная интонация. Если писатель не слышит того, что он пишет, то его не услышит и читатель. Читатель услышит лишь монотонный, беглый стук пишущей машинки.

Мопассан считал, что для писателя в первую очередь необходимо зрение. Я считаю, что для писателя в первую очередь необходим **слух.** Подчеркиваю — в первую очередь. Это не значит, что зрения не надо. Зрение — тело. Но слух — душа. Отсутствие музыкального чутья превращает литературное произведение в более или менее талантливый протокол. И отсюда тоже и скука, и серость, и посредственность.

Подымаю свой новогодний бокал за искусство.

Больше творческой фантазии, товарищи, больше смелых обобщений, больше острых характеров и столкновений, больше подлинной жизни, больше **музыки!**

Николай НОСОВ

У НАС ВО ДВОРЕ

РАССКАЗ

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промерзла почти на полтора пальца, никто не поверил, что уже начинается зима. Все думали, что скоро опять развезет, но мы с Мишкой решили, что сейчас как раз самое время начинать делать каток. Мишка сказал:

— Если откладывать да откладывать, то земля еще глубже промерзнет, и тогда ее никаким ломом не возьмешь.

Во дворе у нас был садик, не садик, а так, не поймешь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, огороженный заборчиком. Мы решили сделать каток в этом садике, но сначала нужно было получить разрешение у управдома. Мы пришли к нему, и Мишка начал разговор так:

— Дмитрий Савельевич, скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас во дворе какую-нибудь культурную работу?

Дмитрий Савельевич беспокойно задвигался на стуле, наклонил голову вниз и посмотрел на нас поверх очков. Потом он переложил с места на место какие-то бумажки на столе и спросил:

— А что? То есть как? Какую это культурную работу?

— Ну, как управдом, вы должны вести у нас культурную работу?

Дмитрий Савельевич провел по голове рукой, будто хотел причесать волосы, для чего-то пошевелил над столом пальцами и сказал:

— То есть, это вы... Вы сами должны вести культурную работу.

— Мы понимаем,— согласился Мишка.— Мы должны вести культурную работу. А вы нам помогать будете?

Управдом склонил голову набок и расставил над столом руки:

— Ну, конечно, конечно. А что вы хотите сделать?

— Мы хотим устроить каток.

— А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Мы рассказали, что хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтоб можно было кататься вечером. Он одобрил наш план и сказал:

— Делайте, делайте. Хорошо, хорошо...

Он заметно повеселел, потому что сначала испугался и подумал, что мы его самого хотим заставить вести культурную работу.

После этого мы сорганизовали ребят и сказали, что кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Конечно, и тут нашлись ребята, которые старались отсиживаться дома, но таких было немного.

Первой заметила нашу работу дворничиха тетя Поля. Она сейчас же вышла во двор и давай кричать:

— Эт-то что там такое? Кто позволил? Что это еще за строительство?

Мы, конечно, не испугались, потому что договорились с управдомом, а Мишка даже нарочно начал дразнить ее:

— Ну, запретите нам, запретите! Чего ж вы не запрещаете? Пойдите к управдому, пожалуйтесь на нас.

Кончилось тем, что она побежала к управдому, а управдом, конечно, сказал, что разрешил нам. Она вернулась и хлопнула дверью так, что сверху штукатурка посыпалась, а потом мы еще долго видели, как из окошка выглядывает ее злое лицо. Отношения с дворничихой были испорчены, и мы принялись разорять бугор, который был недалеко от стены дома. Это увидела в окно мать Лельки. Она сейчас же выскочила и стала кричать, что не позволит уничтожать бугор, потому что тогда вода будет стекать под стену дома. Я стал доказывать ей, что, наоборот, сейчас вода стекает под стену, а когда мы сроем бугор, вода будет стекать в сторону, но она этого никак не могла понять и твердила свое. Тогда Мишка оттолкнул меня и говорит:

— Постой, сейчас я все объясню ей.

И начал объяснять.

— Как же вы,— говорит,— этого не понимаете? У вас голова должна же все-таки соображать?

Услышав такую грубость, она страшно рассердилась, привела управдома и стала доказывать, что вода будет течь под стену, а управдом стал доказывать ей, что не будет. Кончилось тем, что она разругалась с управдомом и побежала на него в милицию жаловаться. Не знаю, что ей сказали в милиции, но бугор мы все-таки уничтожили.

После этого Мишка придумал еще одну вещь.

— Давайте,— говорит,— чтоб каток был длиннее, разберем с одной стороны заборчик и перенесем подальше.

Мы выдрали из земли заборчик вместе с кольями и отнесли его шагов на пять в сторону. Дальше нельзя было нести, потому что там стоял громадный ящик с известкой, которая осталась после ремонта. Мы попробовали отодвинуть ящик, но он был очень тяжелый и словно прилип к земле. Федя Скворцов придумал высыпать из ящика известку, но известка отсырела и превратилась в твердый камень.

— Надо разломать ящик,— предложил Женя Иголкин.— Известь все равно испортилась, а доски понадобятся для забора.

Мы с Мишкой побежали к управдому и стали просить разрешение разломать ящик. Сначала просили по-хорошему.

— Известь-то все равно испортилась...

— Ну, испортилась, испортилась.

— Значит, ее можно выбросить.

— Можно, можно.

— Значит, надо разломать ящик.

— Нельзя, нельзя.

Мишка увидел, что по-хорошему ничего не выходит и начал кричать:

— У вас в ящике бесполезный камень лежит! Все равно в этот ящик ничего нельзя положить, пока в нем этот камень. Как же вы не понимаете своей головой такой простой вещи?

Мишка, конечно, напрасно сказал про голову. Дмитрий Савельевич рассердился и говорит:

— Идите, идите! У меня из-за вас и так неприятностей много. Все время приходят на вас жаловаться.

Мы увидели, что с ним не договоришься, и ушли. Ребята достали где-то веревку, обвязали ею ящик и принялись тащить за веревку, как лошади, а мы с Мишкой подсовывали под ящик лом и подталкивали его, как рычагом, сзади. Ящик двигался медленно. А тетя Поля подговорила соседок, чтоб они нас ругали. И вот все высыпали во двор и стали ругаться.

— Вы что? — кричала Лелькина мать.— Хотите совсем загородить проезд? Теперь нельзя будет к сараю на машине проехать.

— Теперь маленьким ребятам и погулять негде будет. Весь двор заполонили своим катком! — кричали другие.

Мы сказали, что для машин еще много места останется, а для маленьких ребят обещали сделать снежную горку, но никто нас не слушал. Юркина мать кричала:

— Все равно не дам вам кататься! Я вам весь ваш каток засыплю золой.

Мишка сказал:

— Ничего вы не засыплете. Вы еще сами придете к нам кататься. Вы просто сегодня злая, потому что ваш Юрка получил двойку.

— Ах ты такой-сякой! — кричала она.— Ты за своими отметками смотри!

Пока они так кричали, мы отодвинули ящик на несколько шагов в сторону. Тут пришел управдом. Он долго смотрел на нашу работу. Потом сказал:

— Ладно, ломайте ящик, шут с ним!

Хотя мы уже отодвинули ящик, но все-таки были рады, потому что хотели использовать для забора доски. Когда ящик разломали, управдом привел рабочих и сказал:

— Перенесите эти доски в соседний двор и сделайте из них там помойку.

Мы так и ахнули. Никто не ожидал от управдома такого ехидства. За это, пока рабочие ходили в соседний двор, мы половину досок припрятали, и никто не смог их найти.

На другой день наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, починили забор и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, патрон и лампочку. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта и лежал посреди двора. Мы врыли его в землю, а проводку нам помог сделать дядя Гриша из шестой квартиры. Когда все это было готово, пришел управдом вместе со старшим дворником и сказал:

— Вот что, ребятушки, столб вам придется отдать, потому что он нужен для отопления помещения домоуправления.

Ну и крик тут поднялся! Ребята окружили столб, так что ни управдом, ни старший дворник не могли подойти к нему.

Мишка кричал:

— Пожалуйста, можете забирать столб. Выкапывайте его из земли, если есть совесть. Но это не дело столбами домоуправление отоплять. Если хотите, мы соберем со всех ребят понемногу дров и отдадим вам, а столб пусть останется.

— Ну, ладно,— сказал управдом.

Они ушли, и столб остался у нас, а дров мы так и не отдали им.

И вот потянулись самые тяжелые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже легонького морозца не было. Снег иногда

Рис. Е. СМИРНОВА

падал, но в тот же день таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец, ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тете Поле и стали просить у нее шланг, чтобы полить каток из шланга, но она прогнала нас. Тогда мы стали таскать воду ведрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали; сказали, что мы натаскали им грязи и на полу налили. А какая там грязь, когда даже во дворе никакой грязи не было! Мы стали таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда прогнали. Мы стали таскать из четвертой квартиры, нас стали и оттуда гнать. Тут Мишка вспомнил, что у дяди Сережи из девятой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Сережа летом обмывал из этого шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас, пока зима не кончится. Бывают же такие люди на свете!

Мы пошли в четвертую квартиру. Там на кухне длинная раковина и два водопроводных крана. Мишка говорит:

— Здесь шланг никому не помешает.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Струя воды с шипеньем и потрескиванием вырывалась из шланга и доставала до середины катка. Мишка держал шланг обеими руками, потряхивая его, отчего струя била, как из фонтана. Вдруг струя стала слабее. Она как будто увяла, стала тоньше, и тут же вода совсем перестала течь. Мишка с недоуменьем смотрел на шланг, который попрежнему держал в руках.

— Наверно, кто-нибудь отодрал шланг от крана! — сообразил он.

Мы помчались к крану. Прибежали — никого нет! Шланг на месте, а вода не течет. Смотрим — кран привернут!

— Что за ехидство? — говорит Мишка.— Кому понадобилось привернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять стоп — не течет вода! Опять прибегаем к крану, снова никого нет, а кран привернут. И так несколько раз. Наконец, мы решили поставить у крана стражу, и только тогда дело пошло на лад. Поздней ночью мы кончили заливать каток.

На другой день состоялось открытие нашего катка. Мишка первый выехал на середину льда.

— Каток объявляю открытым! — закричал он и тут же шлепнулся.

Все, как по команде, бросились на лед, и пошло катанье. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипеньем резали лед. Катались даже те, которые не строили катка, но мы никому не запрещали. В такой день не хотелось ни себе, ни другим портить радость. Даже взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. Дядя Сережа сказал:

— Куплю коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки, и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке.

Каток был большой, про него нельзя было сказать ничего плохого, но катающихся оказалось так много, что на катке стало тесно. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка — не пускать на каток. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться. Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двойку по русскому языку. После школы он не пошел на каток. Ему было совестно показывать свою двойку ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей без Мишки. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тетя Поля смотрела ласково и улыбалась. Она была довольна, что ее маленький Витька играет вместе со старшими ребятами, и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик выскакивал с катка, она поднимала его и бросала обратно к нам на лед. Вдруг Юркина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

— Где же Миша? — спросила она.— Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, болен?

— Надо бы проведать его,— сказала Лелькина мама.

Они обе решили пойти проведать Мишку. Я пошел проводить их. Когда мы пришли, Мишка сидел за столом и делал уроки.

— Почему же ты, Миша, не катаешься? — спросила Юркина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков, и сегодня он на каток не пойдет.

— Ты хороший мальчик,— сказала Юркина мама.— Ты очень хорошее дело придумал.

— С катком и родителям стало гораздо спокойнее,— сказала Лелькина мама.— В прошлую зиму моя Лелечка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю что.

Они поговорили между собой и ушли.

— Вот! — сказал Мишка.— А помнишь, как все нас ругали, говорили, золой засыплют, не давали нам шланг, не давали воды, а теперь сами благодарят. Да ладно! — махнул он рукой.— Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было запущено. Я занимался до поздней ночи, сделал все уроки как следует, а когда нужно было уже ложиться спать, я все-таки нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху медленно падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лед, а среди этих падающих хлопьев кружилась и выделывала разные пируэты маленькая фигура. Это был Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Неправда! Первый каток был открыт у нас во дворе. Он начал работать почти на полторы недели раньше катка на Петровке, но никто не догадался написать об этом в газету.

Токудзо САКАИ

Ваше слово

О новогоднем послании Сталина японскому народу

Ваше слово пришло от души благородной
и согрело сердца наших бедных детей,
что, мечтая о хлебе,
блуждают зимою холодной
по Японии всей,
по Японии всей.

Ваше слово, как слово народа, что снова,
разгромив оккупантов, свободно живет.
Словно утренний луч,
через атомный гнет это слово
к сердцу наших сестер,
к сердцу братьев идет!

Ваше слово — привет от страны необъятной,
объявившей войну грабежу и войне,
это голос борьбы,
миллионам рабочих понятный
в нашей нищей стране,
в нашей милой стране.

От бескрайних равнин с их зеленым сияньем,
как пожатие дружеской теплой руки,
Ваше слово дошло
к обездоленным нашим крестьянам,
чьи так судьбы тяжки,
чьи так слезы горьки.

В канун 1952 года вождь советского народа И. В. Сталин, удовлетворяя просьбу главного редактора агентства Киодо, обратился к японскому народу со своими пожеланиями.

Новогоднее послание товарища И. В. Сталина отвечало самым горячим стремлениям и чаяниям попавшего в беду народа Японии, который ведет борьбу против иностранных оккупантов и их прислужников.

Лауреат международной Сталинской премии профессор Икуо Ояма в своем открытом письме товарищу И. В. Сталину писал: «...Послание явилось ярким выражением горячей дружбы и сочувствия народов Советского Союза народу Японии и вдохновило японский народ в его борьбе за национальную независимость».

Мы печатаем ниже стихотворение прогрессивного японского поэта Токудзо Сакаи, посвященное новогоднему посланию товарища И. В. Сталина японскому народу. Стихотворение было опубликовано в сборнике «Песни нашей родины», вышедшем в 1952 году в токийском издательстве «Ронрися».

Ваше слово — улыбка. Пусть дни наши хмуры,
Ваше слово, как свет, что от строек пришел
и полей,
на борьбу призывает
работников нашей культуры,
солнцем правды горит
над Японией всей!

Вольный перевод с японского
Н. ГРИБАЧЕВА

МЫ СУДИМ!

ЛЮ БАЙ-ЮЙ,
китайский писатель

«Я не ожидал встретить в Северной Корее такой сильный артиллерийский огонь»,— заявил захваченный в плен американский ефрейтор Миллар.

Но мне известны более выразительные слова, которые характеризуют моральное состояние американских частей, находящихся на передовых позициях корейского фронта. Я имею в виду вот эту короткую фразу:

«Ниже голову!»

Один из военнопленных рассказал, что такое предостережение ему чаще всего приходилось слышать от старых солдат и что оно производило на всех огромное впечатление.

Американский генерал Ван Флит, руки которого обагрены кровью мирного населения Кореи, был вынужден признать, что «воздушные бомбардировки не могут решить судьбу войны». Наземные войска — вот кто решает судьбу войны. Таково «открытие», к которому пришел Ван Флит. Послушаем же, что скажет пехота!

«За семь недель пребывания на передовой линии фронта,— говорит пленный американский солдат Ноубэл,— я ни разу не мог заснуть спокойно... Перед моим пленением ваши снаряды сыпались, как дождь...»

Прислушиваешься к этим нотам разочарования и страха и невольно думаешь о великом 1950 годе. Его события живы в памяти. В ту суровую зиму, когда пламя огня сплеталось со снежными вихрями, генерал Макартур остервенело кричал о «рождественском наступлении». А сейчас, два года спустя, американские солдаты слышат иной клич:

«Ниже голову!»

Перед лицом народов мира история свершила свой суд! Не Макартуры, а корейская Народная армия и китайские добровольческие отряды творят подлинную историю.

Почему я называю тот год великим? Потому, что героический народ достойно ответил на неистовство и злобу еще более отвратительных, чем гитлеровцы, американских фашистов, которые черной тучей заволокли небо, разожгли пожар на мирной земле. Недавно мы вели разговор об этом времени с одним из наших добровольцев.

— Когда мы проезжали пограничную реку Ялуцзян,— рассказывал боец,— я спал. Но товарищи разбудили меня: Ялуцзян!.. Холодный свет месяца рассеивал ночную тьму. Позади оставалась родина. Хотелось посмотреть на дорогую землю. Все мы напряженно вглядывались в огни домов Аньдуна. Никто из нас не проронил ни слова. Миновав Ялуцзян, поезд вдруг остановился: впереди бомбили. Ранним утром мы прибыли к месту назначения. Первое, что предстало нашим глазам, был пылающий вокзал. Перескакивая через липкую грязь, мы понеслись тушить огонь...

Дым пожарищ застилал тогда лица направлявшихся на фронт китайских добровольцев. Послушайте, что говорили они:

— Мы решили превратить в плодородные поля выжженную японцами во время оккупации Китая землю в долине нашей реки, построить там села. Уже все приготовили для этого. Но нападение янки на Корею помешало мне принять участие в задуманном деле. Я понял, что американские империалисты грозят и нам возвращением старых порядков, и решил воевать. Мы познали счастье и не могли спокойно глядеть на страдания наших братьев корейцев.

С такими думами шли в бой наши люди. Одна из наших частей вторично вступила в бой и, отрезая путь бежавшему противнику, столкнулась с целой армией врагов, отступавших с севера... Тут были и американцы, и англичане, и турки. Небо зловеще гудело, десятки самолетов кружились в нем. Земля содрогалась от лязга и грохота стали.

— Было немного страшновато,— говорил китайский доброволец после сражения.— Но, когда я увидел, как возле дороги упала корейская женщина, как огонь, открытый с самолетов американскими извергами, отбросил в сторону грудного ребенка, только что просившего есть, как, обнимая свою мать, приник к ней мертвым тельцем четырехлетний мальчик, невыразимая боль сжала мое сердце! Гнев рождает бесстрашие. Мы разгромили врагов.

Да, мужество и справедливость неотделимы друг от друга. Народные воины не только добры, но и тверды. В районе озера Чандин в те же морозные дни и ночи непрестанных сражений был ранен осколком снаряда боец. Он потерял сознание и пришел в себя, когда его понесли на медицинский пункт.

— Где мои товарищи? — был его первый вопрос.— Мы дали друг другу клятву. Мы хорошо дрались...

А потом, снова впав в забытье, он шептал: «Мы не тронемся с места... Считайте: один, два, три!.. Мы поем «Интернационал»... Мы твердо стоим на своем посту и не тронемся с места!..»

Мы идем по пути побед. Американские фашисты, кажется, и по сей день не понимают, почему мы побеждаем, почему становимся все сильнее. Но весь мир знает, почему осталась жива демократическая Корея в ту суровую, тяжелую зиму и почему она навсегда сохранила за собой свободу. Народы знают, что причина этому — знамя мира и справедливости, которое держат в руках защитники мира. Никогда и ничто не поколеблет сердца наших людей, ибо они в своей жизни испытали гораздо больше, чем в 1950 году, и в то же время успели познать прекрасное сегодня и завтра.

Говоря о той зиме и о том простом солдате, китайском добровольце, которому война в Корее помешала участвовать в превращении выжженной японцами земли в плодородные поля, мы подчеркиваем, сколь много эта зима значит для нас, сколь много значат подвиги этого смелого воина на фронте.

Народный Китай мирно трудится. Возрождаются города и деревни, растет достаток в семьях... Вспоминаю весну, наполнившую воздух ароматом цветов... В районе реки Имчжин произошла ожесточенная схватка. В напряженный момент битвы командир роты Ли вынул из кармана письмо, пришедшее с берегов Хуайхэ. Ли хорошо помнит свое детство, опустошающие разливы реки; голодное то было время. А сейчас из дому пишут, что на Хуайхэ сооружены водохранилища и плотины, что влага поступает на поля по воле человека, что энергия реки превратилась в электрический свет, засиявший в доме семьи Ли, что строится железная дорога... Как сблизились в этот момент корейский фронт и родная Хуайхэ! И разве неистовое ожесточение врага может погасить в такую минуту улыбку на устах Ли, сломить его выросшую силу?

Тысячи бойцов на линии огня в Корее — это тысячи сердец, бьющихся для того, чтобы родина мирно трудилась...

Хочу рассказать о героическом подвиге, совершенном недавно на Западном фронте. Бойцы-земляки с берегов Сунгари Сунь Чжан-ао и Чжан И подружились. На митинге перед боем Чжан И взял слово.

— Товарищи,— коротко сказал он,— наша жизнь должна быть славной и великой!

Мысль о родине согревала сердца. Повсюду на передовой слышался молодой голос Сунь Чжан-ао, задорные солдатские песни, которые он распевал, вдохновляя бойцов. Эти песни бесили противника. Начиная атаку, интервенты осыпали градом снарядов и авиабомб позиции защитников Кореи. Гору накрыло черное облако дыма. Осколок снаряда попал в грудь Сунь Чжан-ао. Обняв раненого друга, Чжан И сказал ему:

— Сунь Чжан-ао, мы не оставим наши позиции!

Враг не продвинулся ни на шаг.

Тверды и мужественны эти юноши. Это — новые силы свободного Китая. Когда мы вели бои в снегах и льдах Сунгари, они были еще детьми. Идя новой дорогой, юноши росли в совершенно новом мире. Они хорошо знают, что такое счастье, и умеют за него постоять. Как только американский самолет перелетел реку Ялуцзян, они тут же записались в добровольцы.

Свет любимой родины озаряет дороги корейского фронта. Великая вера и высокие идеалы ведут вперед наших воинов.

В октябрьские сумерки ударный отряд китайских добровольцев отправился выполнять новое задание. Я знал, что он начал свой боевой путь еще в суровую зиму 1950 года. Ко мне подошли три товарища с письмом. Что задушевнее речи солдата?.. Вложив письмо в мои руки, они сказали:

— Наша республика празднует сейчас третью годовщину своего рождения. В Пекине открывается Конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана. Командование поручало нам славную задачу: отбить попытки наступления врагов мира. Героическая вторая рота с честью выполнила задание. И это наш праздничный подарок родине, подарок Конгрессу. Мы просим передать в Пекин весть о нашей победе, рассказать о ней председателю Мао Цзэдуну, соотечественникам и делегатам. Пусть о победах в Корее знают вся страна и весь мир. Передай, пожалуйста, делегатам Конгресса, что во имя мира, во имя обуздания американских агрессоров мы будем без устали бить врага и одерживать новые победы...

Кто они, эти милые люди с решительным выражением глаз?

Командир взвода Лин Бао-янь — бывший рудокоп. Командир отделения Ван Цзинь-цай — трудовой крестьянин. Солдат Чжу Си прибыл с полей Северо-Востока Китая.

Это они взяли в плен американского сержанта Миллара с компанией.

Что я мог ответить им? Я знаю, они подтверждают свои слова кровью и жизнью. И я мог лишь поблагодарить их от имени родины, детей и матерей всего мира.

Я объехал весь фронт в Корее — от западных до восточных берегов. Я видел, как побеждают в боях ее защитники.

Вспомним, сколь слезно вещало американское агентство Юнайтед Пресс о Кёнгисанском бое. Из самого логова зверя человечество узнало тогда, что позиции агрессора разбиты нашими снарядами в пух и прах, что там навалены горы трупов, что в этом бою оглушительная канонада наших орудий и свист снарядов доводили янки до одурения.

Вот страничка из моего дневника с записями об этом сражении.

«...Скоро 5 часов 50 минут — начало атаки. Командир садится за стол. Перед ним телефон прямой связи со штабом главного атакующего батальона. На одном конце стола — восковая свеча.

— Зажги свечу! — говорит командир связному.

Свет свечи вырывает из мрака подземные ходы. Направляюсь на наблюдательный пункт. Вечер тих и спокоен. А в блиндаже — предбоевое напряжение. Командир-танкист не расстается с телефонной трубкой. Молодой командир артиллерийского дивизиона сверяет часы... И вот по всему участку фронта разносятся слова:

— 5 часов 49 минут. Осталась одна минута.

И вскоре же до частей долетает голос командира:

— Артиллерийские войска, начинаем! Танковые войска, начинаем! — Команда главному атакующему батальону: — Начинаем бой!

Бой начался.

Гляжу с наблюдательного пункта, и мне кажется, что сотрясаются земля и небо. Одновременно бьют орудия разных калибров. Танки и самоходные пушки плюют на врага ослепительно-белым пламенем. Над вражескими позициями нависает черное облако с каскадом огненных искр...»

Так обрушивается на головы убийц и преступников наш справедливый огонь. Это огонь, который для милларов, ноубэлов и всех прочих наемников Уолл-стрита означает:

— Ниже голову!

Наши цели ясны. Мы — за мир в Корее, за мир во всем мире.

Наше отношение к американским офицерам и солдатам? Посмотрите на Миллара! Он окончил среднюю школу. Мы спрашиваем его о знаменитых американских писателях Марке Твене и Джеке Лондоне. Он изумляется:

— Джек Лондон? Я не слышал о нем.

И такие миллары топчут, разрушают мир и счастье прекрасной Кореи!

— Почему ты воюешь здесь, янки?

Они не могут ответить на этот простой вопрос. Правда, один пленный капитан начал рассуждать:

— Собственно говоря,— заявил он,— я считаю, что у нас нет оснований для ведения войны в Корее. Корея не американская территория, и нам незачем было приходить сюда...

Разговор о перспективах всегда страшит захватчиков. Война вступила в третью зиму. Если вспомнить первую, когда американское воинство потерпело полный крах своих планов, то третья зима и подавно не сулит им ничего лучшего.

Люди всего мира с отвращением и проклятием говорят об американской захватнической армии, требуют суда над ней. Я был в Паньмыньчжоне, видел американца Гаррисона за столом переговоров о перемирии. Как выглядят Гаррисон и любой другой из агрессоров перед нашим лицом, перед лицом народов всего мира, перед лицом справедливости? Им уже некуда спрятать окровавленные руки, они уже не могут поднять от земли преступные глаза...

Люди всего мира видят руины и пепел Кореи, видят слезы матерей и кровь младенцев. Они также видят, что ничем не сломишь Корею! Однако руины и кровь остаются руинами и кровью и вопиют о возмездии.

Ниже голову, преступники, перед лицом справедливости! Мы вершим суд. Это наша обязанность перед человечеством.

КОРЕЯ

Сергей МИХАЛКОВ

Литературные шутки

КЛАДОВАЯ ПОЭТА

Поэт Аркадий Деловой
В своей домашней кладовой
Хранил запасы нужных слов
Для сочинения стихов:
Мешок «лугов», мешок «полей»,
Вязанку «лип» и «тополей»,
Две бочки «зорь», одну — «ночей»,
Кадушку «ласковых очей»,
Ушат «разлук», корзину «грез»,
Набор девичьих «кос» и «слез»,
И ящик возгласов: «Ура!»,
«Вперед!», «Дружней!» и «На-гора!»...

Из этих бочек и мешков
Он черпал мысли для стишков,
Употребляя так и сяк
Одних и тех же слов косяк.

Его терпели много лет,
Но как-то раз сказали: «Нет!
Не подойдет. Стихи — мура.
Сегодня те же, что вчера!
Ни новых слов, ни новых тем.
Вы исхалтурились совсем!»
Поэт Аркадий Деловой
Весь вечер рылся в кладовой,
Там все мешки перевернул,
Во все кадушки заглянул,
Но кроме «зорь», «лугов», «полей»,
Девичьих «слез» и «тополей»,
«Разлук» и «ласковых очей»
И кроме прочих мелочей, —
Для созиданья новых строк
Он ничего найти не смог!..

(Мы здесь назвали кладовой
То, что должно быть головой).

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Два молодых поэта
Пришли в один журнал.
Сверхосторожный критик
В журнале им сказал:

«Все ваши сочиненья
Вы пишете вдвоем.
Прошу вас, расскажите
О методе своем.
Писателю, поэту,
По мненью моему,
Естественнее как-то
Трудиться одному?»

Один поэт замялся,
Вздохнул и промолчал.
Другой поэт, подумав,
С улыбкой отвечал:

«Зачем вам это надо,
Чтоб я творил один?
А Сухово-Кобылин?
А Салтыков-Щедрин?

А Щепкина-Куперник?
А Мамин-Сибиряк?
А Шеллер и Михайлов?
Они писали как?»

Смутился горе-критик
(Он был и сед и сер):
«...Меня вы убедили —
Классический пример».

Питомец американской кормилицы. «Учись стрелять и слушайся меня, мой дорогой вермахт!».

Гвардия Пентагона. На Корейский фронт прибыли резервы американского командования.

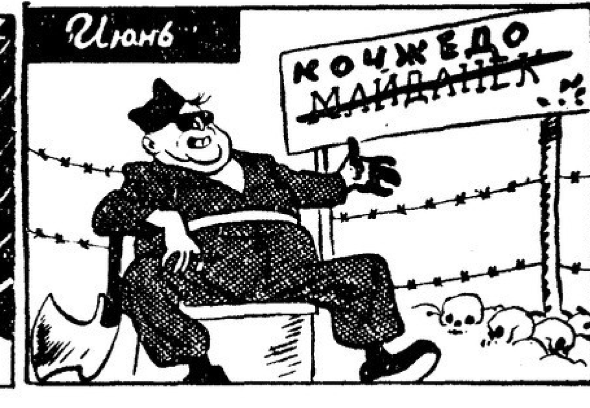
Новая ось. Резкое оживление среди японских и немецких военных преступников.

Горячая встреча. Торжественное прибытие генерала Риджуэя в европейские столицы.

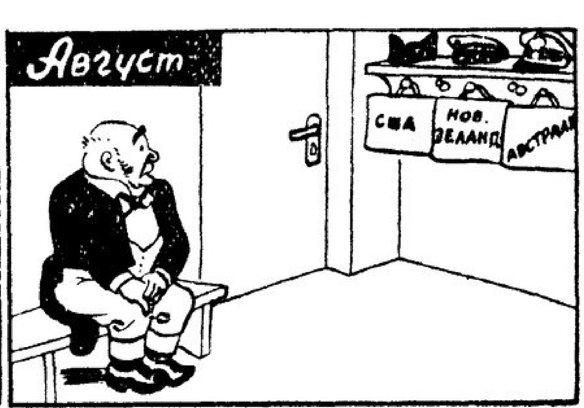
Канцелярская принадлежность Вашингтона. Боннский «канцлер» при исполнении обязанностей.

Кровавые рекорды. Американские палачи в Корее далеко оставили за собой гитлеровцев.

Французская полицейщина консультируется. Изучение опыта провокаций для создания «дела» Дюкло.

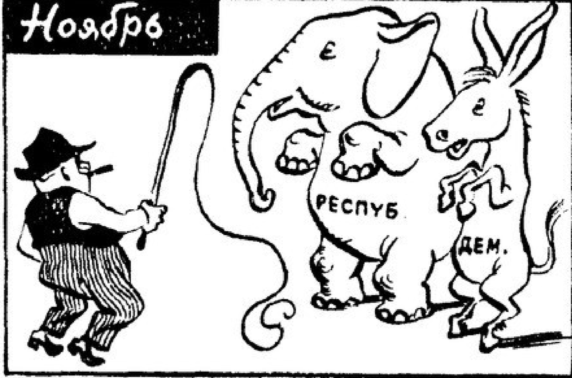
Дальше прихожей не пустили... Английская позиция при обсуждении Тихоокеанского пакта.

Ближневосточный «тир». Англо-американское состязание в меткой стрельбе по живым мишеням.

Напарники из ООН. «Миролюбивые» фразы на Генеральной Ассамблее — огонь в Корее.

Уолл-стритовская дрессировка. Очередной спектакль во время президентских выборов в США.

Черный день в американской разведке. Биты козырные карты!

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Приветствую 1953 год!

С мыслью о Москве, о великом Сталине встречают люди зарю Нового года у нас на родине, во Вьетнаме.

Живо помню новогоднюю ночь в джунглях. Ярко горит электричество в нашем заводском клубе — большой постройке из бамбука и листьев. Снаружи свет не виден: мы тщательно следим за маскировкой, чтобы нас не обнаружил с воздуха враг. В лесу настороженно притихли часовые, они наблюдают за небом, в случае опасности нам немедленно дадут знать.

Радость наполняла наши сердца. Рабочие завода приветствовали свою славную Народную армию, которая на рубеже 1952 года окружила войска французских колонизаторов в Хоа-Бине и разбила их. Враг терпел одно поражение за другим. Поздравляя своих героических солдат, мы, рабочие, решили еще шире развернуть движение патриотического соревнования. Хорошие вести с фронта укрепляли нашу веру в победу, в силу единства народа, в партию трудящихся.

Это был радостный новогодний праздник. Молодые рабочие показывали гимнастические упражнения, исполняли различные сценки, аккомпанементом к которым служило пение. А потом мы пели все вместе и танцевали.

Минувший год моей жизни был богат событиями. Весной рабочие нашего завода избрали меня делегатом на торжественное собрание, посвященное годовщине основания партии трудящихся. Здесь, на этом собрании, я пережил огромную радость — впервые встретил нашего любимого вождя Хо Ши Мина. Когда ему рассказали о том, что я при изготовлении оружия для фронта сильно пострадал от взрыва, Хо Ши Мин крепко обнял меня, я увидел на его глазах слезы. Я был очень растроган. Простого рабочего приветствовал вождь вьетнамского народа. И я вновь и вновь давал себе слово отдать все свои силы и, если нужно, жизнь на благо родины.

И еще раз встретился я с Хо Ши Мином. Это было на национальной конференции представителей движения патриотического соревнования. В эти дни мне присвоили почетное звание первого Героя труда.

Мы, рабочие Вьетнама, как и весь наш народ, свято верим в нашу победу, в то, что навсегда изгоним захватчиков с нашей земли.

...Сияет огнями Москва. Исполнилась моя давняя заветная мечта — я, возвращаясь с Конгресса мира в Вене, нахожусь на земле могучей, красивой Советской страны, в доме нашего старшего брата. Я много слышал об успехах советских людей, строящих коммунизм. Теперь я все увидел сам, ощутил величие советского народа, его силу. И я подумал: вот эта сила и передается вьетнамскому народу, как и другим народам, борющимся за свою свободу и независимость. Верю, что повсюду захватчики потерпят поражение.

Уверенно встречаем мы 1953 год. Время работает на нас. Я — простой рабочий из Вьетнама — знаю это твердо. Вот почему я от души приветствую наступающий Новый год.

Нго Гиа КХАМ,
первый Герой труда Вьетнама

КРИВАЯ ПЕССИМИЗМА

Перед нами комплект английских буржуазных газет. Здесь собраны новогодние номера за последние семь лет. Перелистывая страницы этих газет, нетрудно убедиться в том, что год от году положение в стране ухудшается. Отдельные проблески света, едва заметные в первые годы после войны, заволакиваются вскоре плотным и густым туманом. Старый год провожают проклятиями, новый встречают унынием.

Увы, буржуазные газетные пророки в государствах — «младших партнерах», в странах «замаршаллизованных» до отказа, ничего хорошего не обещают своим читателям. И действительно, что хорошего можно посулить людям, если основные принципы британской политики определяются не в Лондоне, на Даунинг-стрит 10, в старинной резиденции премьер-министра, а в Вашингтоне, на Пенсильвания авеню 1600, в Белом доме...

Итак, цитаты из новогодних английских газет. Взятые последовательно, по годам, они прочерчивают своего рода кривую пессимизма, которая наглядно характеризует настроения, царящие в Англии, а также в других маршаллизованных странах.

1946 ГОД

«Миллионы людей обращают свои взоры к будущему в надежде, что после всех страданий и жертв последних шести лет наступит, наконец, какое-то облегчение.

Эта надежда на будущее является, по нашему мнению, преобладающей тенденцией среди английского народа».

(Газета **«Дейли геральд»**, 1 января)

◇

1947 ГОД

«Минувший год был далеко не легким. Люди находились в тисках материальных лишений».

(Газета **«Дейли геральд»**, 1 января)

◇

1948 ГОД

«Британия стоит перед лицом экономических трудностей, масштабы которых не имеют прецедента»...

(Газета **«Дейли геральд»**, 1 января)

◇

1949 ГОД

«Мы вступаем в 1949 год с чувством разочарования, и в наших сердцах едва теплится традиционная новогодняя надежда, что дела должны пойти на лад».

(Газета **«Манчестер гардиан»**, 1 января)

* * *

«По свидетельству специалистов в области хронологии, 1950 год не является началом новой половины века. Эта дата будет отмечаться через год. Но и в наступающем году люди будут оглядываться на прошлое, на то настроение, с которым наступление нового года праздновалось пятьдесят лет назад и сто лет назад. С тех пор в нашей стране произошел огромный сдвиг — от оптимизма к мрачности... Этот пессимизм может оказаться духовным недугом, подрывающим всякую активность».

(Газета **«Манчестер гардиан»**, 31 декабря)

◇

1951 ГОД

«Во всей истории нашей страны было мало случаев, когда новый год наступал бы в более мрачной атмосфере. Мы фактически лишены и материального благополучия и чувства уверенности».

(Газета **«Манчестер гардиан»**, 1 января)

* * *

«Сегодня заканчивается 1951 год. Для всех последних лет характерно жуткое однообразие страхов, несчастий и крушения надежд. Разумеется, нет ничего нового в бедственных ситуациях, ставших уже повседневным явлением».

(Газета **«Манчестер гардиан»**, 31 декабря)

◇

1952 ГОД

«Каковы новогодние перспективы для нашего народа? Они безрадостны».

(Газета **«Дейли геральд»**, 1 января)

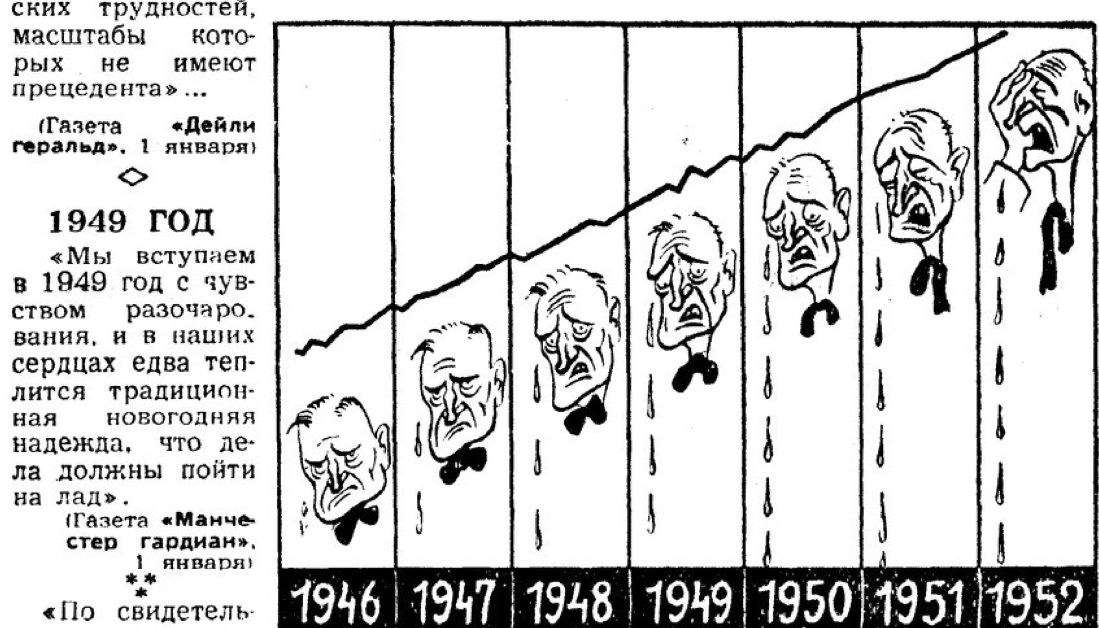

Диаграмма пессимизма *Рис. Б. Е.*

„Берегитесь 1953 года!..“

Объявление под таким заголовком-воплем регулярно появляется в последнее время на страницах нью-йоркской газеты «Дейли ньюс».

«БЕРЕГИТЕСЬ 1953 ГОДА! — ПРЕДУПРЕЖДАЮТ ВЕЛИКИЕ МИРОВЫЕ ПРОРОЧЕСТВА».

Под этим заголовком некий прорицатель предлагает приобрести его книгу, содержащую, как сообщается в тексте рекламного объявления, предупреждение о событиях, «которые потрясут мир»... Автор книги считает, что в связи с приближением нового, 1953 года, «каждому нужно немедленно подготовиться к роковому кризису».

Советским читателям, привыкшим в канун Нового года вглядываться в светлое будущее Родины, желать товарищам и друзьям всего самого лучшего, покажется, несомненно, странным появление подобных новогодних «пожеланий» в газете. Надо, однако, сказать, что «Дейли ньюс», предрекающая американцам со своих страниц всяческие беды, отнюдь не выглядит белой вороной в семействе реакционных газет США. Вся американская буржуазная печать пестрит в эти дни самыми зловещими предсказаниями.

Со страниц газет запугивают и «стращают» американского обывателя (а заодно и вымогают у него последние доллары!) многочисленные шарлатаны, именующие себя ясновидцами, толкователями снов, кудесниками, магами, «тибетскими» мудрецами, астрологами... Имя им — легион, и приведенное здесь объявление — только капля в море всякой мистической дребедени, которой и в обычное время достаточно пичкают своих читателей американские газеты. Но перед Новым годом все это преподносится поистине в лошадиных дозах!

Постоянной рубрикой в большинстве американских газет с массовыми тиражами являются так называемые «гороскопы». Чтобы выяснить свою судьбу или получить спасительный рецепт на будущее, любому американцу достаточно лишь твердо помнить месяц и число своего рождения. Если, допустим, дата его рождения 21 июля, то это значит, что он родился под «знаком Рака». Предположим, что газета, которую читает данный американец, — «Чикаго трибюн». Он может по этой газете ежедневно следить за изменением своей судьбы. Для этого достаточно заглядывать в отдел под заглавием «Гороскоп», который «ведет» некий Кэррол Райтер.

Откроем номер «Чикаго трибюн» от 14 ноября этого года. Вот что найдет там американец, родившийся 21 июля, в параграфе, соответствующем дате его рождения:

«Рак (22 июня — 21 июля). Сохраняйте улыбку на вашем лице, чтобы сберечь гармонию в домашнем кругу, когда наступит напряженная обстановка, могущая затронуть также и других. Старайтесь не чувствовать себя «убитым», а вместо этого работайте и копите сбережения».

Итак, сохраняйте улыбку и копите сбережения... Недурной совет! Особенно, если учесть, что миллионы американцев, родившихся под «знаком Рака» и под любыми другими знаками зодиака, не только не могут делать сбережений, но просто не знают, как свести концы с концами! Ведь в том-то и дело, что «напряженная обстановка» создалась не у какого-либо семейного очага рядового американца, имевшего неосторожность родиться под «знаком Рака». Подобная «обстановка» создана сейчас волею правителей США для миллионов американцев, которых преследуют на каждом шагу, как кошмар, военная истерия и травля «инакомыслящих», непомерный рост цен и налогов, вызванный неистовой гонкой вооружений, тяготы преступной бойни в Корее и угроза новой мировой войны. Где уж тут «сохранять улыбку»...

Почему же, однако, все эти многочисленные предсказатели не шлют американцам в канун Нового года добрых пожеланий, не делают благоприятных прогнозов на будущее? Ответ на этот вопрос весьма прост: они уже поступали так раньше — теперь никто не поверит! Надо отдать справедливость: прорицатели из американских реакционных газет идут в ногу с временем. Гадая над судьбами своих соотечественников, авторы гороскопов ныне не чертят сложных схем и таблиц расположения небесных светил, как это делали их средневековые предшественники. Им достаточно заглянуть на страницы своей же газеты.

А чем заполнены в эти дни американские газеты? Они пишут о том, что Соединенным Штатам грозит экономический кризис, так как гонка вооружений оказалась недостаточным «стимулом» для капиталистической экономики США. Они публикуют горькие предсказания американских буржуазных экономистов на этот счет. Так что задача астрологов чрезвычайно облегчается. Хорошо известно, что кризис может принести лишь новые экономические тяготы народу. Потому-то авторы гороскопов и строчат изо дня в день, не боясь ошибиться, самые мрачные предсказания насчет личной судьбы простых американцев.

Вот несколько подобных предсказаний на 1953 год, взятых из отдела гороскопов той же «Дейли ньюс».

11 октября. «Лежащий впереди год может оказаться нелегким... Конец весны принесет дальнейшие осложнения в бизнесе, домашних и личных делах. Вы почувствуете, что ваши средства подвергнутся тройному напряжению...»

13 октября. «Вы можете почувствовать, что вас дергают одновременно со всех сторон. Это может губительно отразиться на вашем здоровье... Не ждите, что положение улучшится...»

20 октября. «Это время испытаний для вас, поэтому будьте терпеливы, выдержите это последнее испытание и докажите, что у вас есть характер. Ваши глаза откроются на некоторые истины, которые вам нелегко будет принять; в следующем месяце, а затем в марте вам, может быть, придется вынести серьезные удары...»

Да, невеселый Новый год предрекает американцам их печать...

«Берегитесь 1953 года!..»

Страшно жить сегодня в Америке.

М. ГАВРИЛОВ

Дорога у сопки

В пяти километрах от Пхеньяна находится мой дом. Рядом с ним — дом, где жила моя маленькая приятельница, девочка с отцом и матерью. Каждый день по утрам я наблюдал, как мать провожала дочурку в школу, расположенную за ближайшей сопкой. Как только девочка скрывалась за вершиной холма, мать поворачивала домой.

Дорога у этой сопки стала для корейской матери дорогой любви. По этой дороге ушел муж кореянки на фронт, по ней он должен вернуться с победой домой. А сейчас, сейчас по этой дороге быстро шла маленькая девочка, крепко прижимая ранец с книжками и тетрадками. Сколько любви и нежной ласки светилось в глазах матери, снаряжавшей ребенка в школу! Сколько надежд матери было связано с маленькой школьницей!

И вот ровно год назад, на рассвете первого январского дня, девочки не стало. Ее убил американский воздушный разбойник, забросавший бомбами наш мирный поселок. Мне не забыть этого страшного дня... Перед моими глазами вновь и вновь оживает картина: девочка, распростертая на дороге у сопки... Ранец, отброшенный в сторону... Зимнее утро Нового года...

Горящие дома, разъедающий глаза горький дым, крик матери, потерявшей ребенка, — это можно видеть, это можно слышать повсюду, куда ступает нога янки-захватчиков. Но несгибаем мой народ в справедливой борьбе за свое счастье, за мир. И мы знаем, как велики силы мира. С трибуны Венского Конгресса народов в защиту мира прозвучал единый мощный голос миролюбивого человечества, требующий немедленного прекращения разбойничьих войн в Корее, Вьетнаме, Малайе.

Каждый раз, встречая Новый год, я полон надежд, впечатлений, желаний. Но чувства, переполняющие мою грудь сегодня, нельзя даже сравнивать с теми ощущениями, которые я переживал когда-либо раньше. Ведь я приветствую утро Нового года в столице СССР, в городе, где живет великий Сталин!

Я — на пути в Корею с Венского Конгресса народов в защиту мира. И в эти счастливые, замечательные часы я снова и снова переношусь мыслями на родину.

Мир должен победить, и он победит! Он победит, потому что есть на нашей планете прекрасная столица миролюбия — Москва, город труда, созидания и жизни, где живет и работает на благо человечества гениальный знаменосец мира И. В. Сталин. Под этим знаменем сплачиваются все миролюбивые народы мира.

...Скоро я вернусь в Корею. Я не увижу больше на дороге у родной сопки той маленькой девочки, которую мать по утрам провожала в школу. Неутешно горе матери. Но свет кремлевских звезд — свет любви и жизни — озаряет и эту дорогу у сопки. По этой дороге вернется с победой муж кореянки...

КИМ ТЕ ГЮ,
корейский поэт

В доме, где я живу...

◇

Феличе КИЛАНТИ

◇

Мне заказали статью к Новому году. По старой и, может быть, хорошей традиции принято касаться рождественских сюжетов. И я, взявшись за перо, поначалу тоже решил было написать еще один вариант рождественского рассказа. Но потом мне как-то сама собой пришла в голову мысль: изменить этой традиции и рассказать читателям «Литературной газеты» совсем о другом. Я решил взять самое главное, чего, на мой взгляд, достигли сторонники мира, а это главное заключается в активной деятельности низовых комитетов мира, объединяющих простых людей — мужчин и женщин — независимо от социального положения, политических взглядов и вероисповедания. Как мне кажется, деятельность этих комитетов в старом году закономерно является залогом их успехов в году новом.

Итак, рассказ о низовом комитете мира.

В доме № 99 по улице Фраттини в Риме, где я живу, собирается комитет в защиту мира района Колонны. Это центральный район города. Называется он так потому, что возник вокруг площади, носящей то же имя, и потому, что посреди этой площади высится колонна, воздвигнутая в ознаменование побед, одержанных в древности римским императором Марком Аврелием. Теперь подле колонны Марка Аврелия толкучка — множество молодых людей занимается тут продажей из-под полы американских долларов и швейцарских франков. Время от времени полиция налетает на эту черную биржу, оглушая все окрест воем сирен, — точь-в-точь, как это делается в Америке, — и кого-нибудь арестовывает.

Площадь Колонны известна еще и тем, что на ней расположен дворец Киджи, резиденция итальянского министерства иностранных дел, находящегося ныне в непосредственном ведении де Гаспери. Римская молодежь — рабочие и студенты, несмотря на надзор полиции, не раз водружали на балконе этого дворца знамя мира.

Комитет защиты мира, собирающийся в моем доме, по правде говоря, состоит из людей, мало приспособленных к тому, чтобы водружать знамя мира на балконе дворца: это мужчины и женщины в возрасте, почти все — отцы и матери сыновей призывного возраста.

Адвокат, мелкий подрядчик-строитель с женой, портниха, владелец крохотного кафе, композитор, сочиняющий популярные в Италии песенки, биржевой агент — таков состав комитета. Готовясь к районной конференции, состоявшейся в одном из залов Ассоциации итальянских партизан, наш комитет собирался четыре раза и обсуждал вопросы, связанные с Конгрессом народов в защиту мира.

Во время этих собраний было несколько неожиданностей. Однажды вечером, например, раздался звонок: открыв дверь, мы увидели двух хорошо одетых людей, которые оказались владельцами трикотажной мастерской, помещающейся на соседней улице. Оба явились в комитет защиты мира по доброй воле, желая узнать, что же конкретно можно было бы предпринять, чтобы «вытянуть Италию из этой аферы с Атлантическим пактом».

В другой раз произошло следующее: в нашем районе, на улице Виа делла Вита, живет одинокая старушка по имени Туллия, занимающаяся продажей сигарет. Торговля эта приносит ей, видимо, очень мало, ибо она всегда ходит в лохмотьях, дрожа от холода. Живет она в темной, без окон, каморке под лестницей, похожей на пещеру, и часто болеет.

Юнцы смеются над старой Туллией, потому что в ее жалкой каморке развешано множество портретов итальянских королей, среди которых один портрет больше других по размеру, на нем изображен последний король Италии — Умберто II... Однажды вечером — было уже довольно поздно — она пришла, насквозь промокшая от дождя. Туллия выглядела испуганной и призналась, что каждую ночь ей снятся американские бомбежки и что она боится умереть от страха. «Всюду теперь говорят о войне и бомбах, а здесь, у вас, как мне сказали, говорят о мире...».

Все это очень характерно для жизни сегодняшней Италии. Произошел определенный перелом в общественном мнении. Антисоветским клеветникам и пропагандистам войны верят все меньше. Правда понемногу прокладывает себе путь, и сейчас даже среди неискушенных в политике людей редко встретишь человека, который принимал бы на веру басни о том, что политика Советского Союза угрожает Италии и миру во всем мире.

Когда был подписан Атлантический пакт, американская пропаганда могла еще обманывать некоторую часть общественного мнения Италии, утверждая, будто Советский Союз готовится напасть на страны Западной Европы. Ссылаясь на эту мнимую «угрозу», итальянское правительство подписало агрессивный пакт. Теперь де Гаспери уже не решается это утверждать. А на вопрос, почему же он в таком случае поставил под Атлантическим пактом свою подпись, премьер обычно отвечает, что этот пакт потребовался для... восстановления страны и что нужно вооружаться, ибо Советский Союз и страны народной демократии якобы тоже вооружаются. Однако здравомыслящие итальянцы понимают, что так де Гаспери пытается оправдать ненавистную трудящимся гонку вооружений.

Мне не хотелось бы, чтобы читатели «Литературной газеты» представили себе дело так, будто во всем Риме имеется только один комитет в защиту мира, который собирается в доме, где я живу. Я должен уточнить, что речь тут идет о самом скромном и, я подчеркиваю, наименее активном комитете во всем Риме. Его участники ведут работу в центральном районе города, где особенно сильно свирепствует американская и демохристианская пропаганда.

Буквально в каждом районе Рима население организует многолюдные митинги и конференции в защиту мира. Созывались также собрания врачей, адвокатов, учителей... Римский комитет защиты мира проводит массовые собрания в крупнейших кинотеатрах столицы. Кто там выступает? Простые люди из народа, рабочие, представители интеллигенции, коммерсанты, спортсмены... Сотни собраний проходят в частных домах. Во время таких встреч, где-нибудь на квартире, присутствующие обсуждают многие проблемы, волнующие простого человека.

На таких собраниях большинство участников — женщины. Быть войне или миру — этот вопрос волнует их не меньше, чем мужчин. Женщины района Сан Лоренцо принесли в Римский комитет защиты мира резолюцию, принятую на районном собрании, в которой содержался призыв ко всем жительницам Рима: «Объединимся все вместе, женщины Рима, чтобы никогда больше бедствия войны не обрушились на наши дома, на наши школы, на наши церкви».

Накануне Венского Конгресса многие женские делегации, особенно в предместьях Рима и в районах города, населенных беднотой, добились у своих приходских священников разрешения распространять в церквах после воскресной службы Обращение Всемирного Совета Мира о созыве Конгресса народов в защиту мира. Этого в Риме никогда не бывало.

В рабочем районе Кудраро в митингах и собраниях, посвященных Конгрессу, приняли участие 700 бывших заключенных немецко-фашистских лагерей смерти и семьи патриотов, расстрелянных фашистами.

Размах, который приняла подготовительная работа к Конгрессу, и результаты, к которым она приводила, трудно даже описать. Итальянский министр обороны Пачарди, быть может, до сих пор не подозревает, что как раз в те дни, когда проводились собрания, посвященные предстоящему Венскому Конгрессу, комитет в защиту мира был образован и в его министерстве.

За несколько дней до открытия Конгресса народов я зашел в Римский комитет защиты мира. Почти одновременно со мной туда же явился молодой человек, одетый в спортивный костюм, и сказал, что он хочет подписать Обращение о присоединении к Конгрессу народов: это был чемпион мира по велогонкам Лучиано Чанкола. «Меня предупреждали, что в этот комитет входят коммунисты и что я не должен сюда заходить, — заговорил он, обращаясь к окружающим. — Но когда я тренируюсь или делаю по двести или триста километров один, на велосипеде, я спрашиваю себя: какой смысл будет иметь моя жизнь и все мои усилия, если вспыхнет война? Вы хотите мира? Я тоже хочу мира! Я пришел, чтобы подписать призыв Всемирного Совета Мира. Я хочу выйти победителем на мировых состязаниях и в 1953, и в 1954, и в 1955 годах. Для этого тоже нужен мир».

С ним согласились — радостные улыбки и одобрительные кивки говорили яснее всяких слов: мир действительно нужен всем.

РИМ, декабрь

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00801.